

— 85 —

15 Марта № 6. 1867 года.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Государь Императоръ, въ 16 день января, Высочайше утвердить соизволилъ мнѣніе Государственного Совѣта о примѣненіи Высочайше утвержденнаго, 8 ноября 1865 года, мнѣнія того Совѣта: о выдачѣ присутственными мѣстами копій съ опредѣленій своихъ и съ другихъ, находящихся въ ихъ дѣлопроизводствѣ, бумагъ и документовъ — ко всѣмъ вообще въ духовныхъ учрежденіяхъ производящимся дѣламъ. Означеннымъ мнѣніемъ постановлено: 1) канцеляріи духовныхъ учрежденій обязаны выдавать участвующимъ или участвовавшимъ въ дѣлѣ лицамъ, по просьбамъ ихъ, копіи какъ опредѣленій своихъ, такъ и другихъ находящихся въ дѣлопроизводствѣ ихъ бумагъ и документовъ, кромѣ свѣдѣній, тайнѣ подлежащихъ, или документовъ не подлежащихъ выдачѣ въ двойномъ образцѣ; 2) лицамъ не участвующимъ или неучаствовавшимъ въ дѣлѣ, вышеозначенныя копіи могутъ быть выдаваемы въ такомъ лишь случаѣ,

когда лица сіи представляютъ удостовѣреніе въ томъ, что просимыя ими копіи нужны для подтвержденія или защиты ихъ правъ, или правъ ихъ довѣрителей, или лицъ, состоящихъ у нихъ подъ опекою и т. п.; 3) лица просящія о выдачѣ копій, обязаны представить, кромѣ надлежащаго количества листовъ гербовой бумаги установленнаго достоинства, по двадцати копѣекъ за написаніе каждаго листа просимой ими копіи, каковыя деньги обращаются въ пользу канцелярій духовныхъ учрежденій.

— Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи викарію с.-петербургской епархіи епископу ладожскому *Аполлону* епископомъ вятскимъ.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ учрежденіи въ г. Волгскѣ, близъ Бладищенской церкви, женской общины съ богодѣленнымъ при ней отдѣленіемъ.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Студентъ семинаріи *Александръ Сосинъ* рукоположенъ во священника и опредѣленъ елисаветградскаго уѣзда, въ селеніе Надлагъ, къ Николаевской ц.

— Переведенный изъ селенія Кохановки, ананьевскаго уѣзда, въ м. Троицкое того же уѣзда, священникъ *Александръ Яцкевичъ* оставленъ на прежнемъ мѣстѣ въ селеніи

Кохановѣ, а въ м. Троицкое переведенъ второй священникъ александрійскаго уѣзда, селенія Цыбулева, Покровской ц., *Павелъ Чеховичъ*.

— Александрійскаго уѣзда, селенія Стецовки, Богословской ц., священникъ *Василій Мстиславскій* и селенія Орловой Балки, Андреевской церкви, священникъ *Іоаннъ Цыбульскій*, по прошенію, переведены одинъ на мѣсто другаго.

— Александрійскаго уѣзда, селенія Мироновки, Симеоновской ц., священникъ *Михаилъ Бычковскій* уволенъ въ таврическую епархію.

— Города Елисаветграда, Успенскаго собора, діаконъ, на вакансіи причетника состоявшій, *Димитрій Сахневичъ* переведенъ на діаконскую вакансію того же города, къ Покровской церкви.

— Жители одесскаго уѣзда, хутора Шомполы, отчислены отъ прихода Покровской церкви, м. Покровска (оно-же Курисова) и причислены къ приходу Успенской ц., колоніи Большого Буялыка.

— Избраны и утверждены въ должности церковныхъ старостъ, на первое трехлѣтіе: дворянинъ *Филиппъ Николаевъ* при Григоріевской ц., села Новогригоріевки, елисаветградскаго уѣзда; бериславскій мѣщанинъ *Матвій Даниленко*, при Бериславской Кладбищенской ц.; на третіе трехлѣтіе: поселянинъ *Стефанъ Поляковъ*, при Ровенской, единовѣрческой Богородичной ц.

— Уволенный изъ духовнаго званія, священническій сынъ *Константинъ Россиковъ* принятъ обратно въ духовное званіе и опредѣленъ дьячкомъ ананьевскаго уѣзда, въ селеніе Романову Балку, къ Покровской ц.

— Города Елисаветграда, Покровской церкви, діаконъ
Іоаннъ Погорьловъ за смертію исключенъ изъ списковъ.

Ш. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ:

Въ Пріютъ сиротъ духовнаго званія, устроенный въ
городѣ Херсонѣ сдѣланы слѣдующія пожертванія:

1) По распоряженію херсонскаго гражданскаго губернатора
тайнаго совѣтника Павла Николаевича Клушина, канцелярія
его прислала для призрѣваемыхъ сиротъ духовнаго званія
семьдесятъ руб.

2) Для церкви херсонскаго Перепелицынскаго пріюта
пожертвованы двѣ иконы, одна въ память чудеснаго
спасенія драгоцѣнной жизни Благочестивѣйшаго Государя
Императора Александра Николаевича въ 4-й день апрѣля
1866 года, съ изображеніемъ святыхъ, чтимыхъ православ-
ною церковію въ этотъ день, а другая — съ изображеніемъ
Спасителя, въ память отмѣны крѣпостнаго права, въ 19
день февраля 1861 года; двѣ серебрянныя лампы и 20
руб. денегъ для устройства аналогіевъ къ симъ иконамъ.
Участвовали въ семъ пожертвованіи херсонскіе мѣщане:
Иванъ Осадчій, Иванъ Беліеха, Епифанъ Евдокимовъ, Три-
фонъ Голышевъ, Ѳедоръ Галушкинъ, Яковъ Харченко, Петръ
Араповъ, Аѳанасій Козловъ, Архипъ Ярошенко, Никита
Отянь, Семень Найденовъ, Гавріилъ Шестопаловъ, Ѳедоръ

Харченко, Аѳанасій Орлянскій, Автономъ Гончаренко, Нитита Друзякинъ, Иванъ Ефименко, Лукьянъ Ермоленко, Константинъ Осадчій, Платонъ Питюхъ, Иванъ Палица, Иванъ Дроботь, Логинъ Гаркуша, Савва Ищенко, Іосифъ Марченко, Сергій Голубовъ, Иларіонъ Скриня, Авксентій Коваленко, Никифоръ Залишевскій, Иванъ Голышевъ, Андрей Щербининъ, Гавріилъ Стюгъ, Отянъ, Зубенко, Кузнецовъ, Иванъ Петренко, Димитрій Безганъ, Димитрій Лукашевичъ, Михаилъ Малиновскій, Антонъ Семеновъ, Иванъ Сухановъ, Георгій Стратиловъ, Матвѣй Евсѣевъ, Лука Сердюкъ, Илья Николенко, Яковъ Сердюковъ.

3) Семействомъ Рубановичевыхъ пожертвована Плащаница, стоящая болѣе 200 рублей.

4) Чиновникомъ Ирликовымъ пожертвовано ручное Евангеліе въ мѣдной оправѣ.

5) Чиновницею Журавскою, пожертвованъ серебряно-вызолоченный подъ чернью крестъ.

6) Призрѣваемыми въ херсонскомъ богоугодномъ заведеніи пожертвованы серебряно-вызолоченные — сосудъ, дискосъ и прочія относящіяся къ нимъ принадлежности.

7) Помѣщикомъ Скадовскимъ въ теченіе 1865 года пожертвовано въ пріютъ: муки — ржаной 60 пуд., пшеничной 30 пуд., пшеница 15 пудовъ, сахару 3 головы, чаю 3 фунта.

8) Діакономъ Добровольскимъ пожертвованы иконы — для жертвенника: Распятія Спасителя и св. Великомученицы Варвары.

Пріютская церковь съ находящимися при ней сиротами молится и не престанетъ молиться Всемощной По-

кровительницѣ своей, Пресвятой Богородицѣ, о здравіи и спасеніи благотворителей за ихъ добротныя даванія.

б) О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ:

ПРАЗДНЫ МѢСТА:

Священническія: александрійскаго уѣзда, въ селеніи Мироновѣ, при Симеоновской ц.; въ селеніи Золотаревѣ, при единовѣрческой Ильинской ц.; въ селеніи Зыбкомѣ, при единовѣрческой Покровской ц.; въ селеніи Цыбулевѣ, при Покровской ц.; елисаветградскаго уѣзда, въ селеніи Плетеномъ-Ташлыгѣ, при Николаевской ц.

Дьячковскія: елисаветградскаго уѣзда, въ сел. Шпаковой, при Одигитріевской ц.; въ селеніи Исеевѣ, при Дмитриевской ц.; ананьевскаго уѣзда, въ селеніи Коссахъ, при Гаврилловской ц.

Пономарскія: херсонскаго уѣзда, въ селеніи Балицкомѣ, при Петропавловской ц.; въ селеніи Архангельскомѣ, при Михайловской ц.; александрійскаго уѣзда въ селеніи Березовѣ, при Юсифовской ц.; въ селеніи Высокихъ-Буеракахъ, при Екатерининской ц.; въ селеніи Краснополѣ, при Дмитриевской ц.; въ селеніи Мироновѣ, при Симеоновской ц.; въ селеніи Овнянѣ, при Покровской ц.; елисаветградскаго уѣзда, въ селеніи Тимофеевѣ, при Покровской ц.; въ селеніи Максимовѣ, при Арсеніевской ц.; въ селеніи Лелековѣ, при Троицкой ц.; ананьевскаго уѣзда, въ селен. Байталахъ, при Богородичной ц.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ИРКУТСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

въ 1867 году.

«Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости» при помощи Божіей будутъ продолжаться и въ 1867 году, по утвержденной въ 1862 году Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ программѣ, прежнимъ порядкомъ — еженедѣльно.

Цѣна прежняя: въ городѣ Иркутскѣ съ доставкою на домъ 4 *рубля*, а для иногороднихъ съ доставкою имъ по почтѣ 5 *рублей*.

Желающіе получать Вѣдомости *брошурованными* т. е. въ сшитыхъ, разрѣзанныхъ и оклеенныхъ тетрадкахъ доставляютъ къ подписной цѣнѣ 50 коп. въ годъ. Адресъ: въ Иркутскѣ, въ Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Редакторъ, кафедральный протоіерей *Проконій Громоуъ*.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

ГОСПОДА И СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею Х. М. Орды, профессора кіевской духовной семинаріи.

Авторъ этого сочиненія твердо стоитъ на почвѣ вѣры и Евангелія и съ истинно-христіанскимъ воодушевленіемъ изображаетъ по нимъ лице, ученіе и

дѣла Богочеловѣка, предлагая, гдѣ нужно, обстоятельное описаніе святыхъ мѣстъ и изслѣдованія вѣрующей науки, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ опровергая мнѣнія Ренана, Шенгеля и Штрауса, противныя евангельской исторіи. Цѣль книги, по словамъ самаго автора, вѣрующихъ укрѣпить въ вѣрѣ, колеблющихся поддержать, заблуждающихся наставить, невѣрующихъ опровергнуть, и, если возможно, убѣдить въ истинѣ.

Не смотря на весьма значительный объемъ книги (около 600 страницъ), найдено возможнымъ назначить за нее сравнительно не высокую цѣну, 1 руб. 50 к. съ пересылкою. (Въ подлинникѣ, при всей дешевизнѣ нѣмецкихъ книгъ, это сочиненіе стобитъ больше трехъ рублей). Выписывающіе не менѣе десяти экземпляровъ и книгопродавцы, покупающіе на наличныя деньги, пользуются уступкою 20%.

Адресоваться съ требованіями въ редакцію духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ при кievской академіи и семинаріи, а также и въ книжные магазины С. Литова въ Кіевѣ, Житомирѣ, К. Подольскѣ и С.-Петербургѣ.

года и къ Богоявленію. Дѣйствительно 29 декабря къ вечеру неустанно съ 24 числа несшіяся отъ запада къ востоку дождливыя массы облаковъ разсѣялись, и ночь уже была тихая и звѣздная. Новый годъ мы праздновали у себя дома на «постройкахъ». Отъ щедродательныхъ Рукъ предложено было намъ въ этотъ день послѣ обѣдни кромѣ чая, и вино, веселящее сердце, по слову мѣстнаго царя-пѣснопѣвца. Да веселится сердце и благихъ дателей въ теченіе всего наступившаго года!

Еще предъ Рождествомъ между поклонниками ходили слухи о томъ, что Миссія наша намѣрена на этотъ разъ въ день Богоявленія служить на Іорданѣ. Такого торжества, какъ говорятъ, доселѣ еще не бывало. Русская служба многократно бывала на Іорданѣ, но въ другое время года. Оттого всѣхъ занимало подобное обстоятельство. Болѣе насъ пытливыя «товарки» ежедневно освѣдомлялись о томъ, что и какъ думается и рѣшается, и постоянно получали въ отвѣтъ: все зависитъ отъ погоды. Наконецъ съ началомъ текущаго мѣсяца установилась отличная погода, и наши ходячіе барометры-старики и старухи съ ломотою въ костяхъ — готовили для дороги свои сумки и батожки. Во вторникъ стало положительно извѣстно, что «идемъ», ибо въ женскомъ пріютѣ отданъ былъ приказъ печь хлѣбъ. Въ среду предъ обѣдней прочитаны были и Царскіе часы, такъ какъ на канунѣ крещенія предполагалось быть въ дорогѣ. Послѣ службы все на постройкахъ пришло въ движеніе. Приказъ былъ отданъ собраться всѣмъ къ полудню въ Геосиманію, чтобы оттуда двинуться всѣмъ вмѣстѣ на Іорданъ. Я смотрѣлъ и любовался, какъ другъ за другомъ то кучками то въ разсычку торопливо выходили за кон-

сульскія ворота наши странники и странницы, брестясь и кланяясь по направлєніи къ Господнему Гробу. Около 2-хъ часовъ тѣми же воротами вышли подъ коновоемъ и 4 верблюда нагруженные церковными вещами, палатками и провизіей. По программѣ они должны были соединиться съ народомъ въ Геосиманіи, и оттуда однимъ караваномъ двинуться черезъ Элеонъ и Виѳанію въ пустыню, при верблюдахъ находилось нѣчто и въ родѣ караваннаго начальства. Не мало удивилось послѣднее, какъ оно само рассказывало, когда въ Геосиманіи не нашло ни души. Путешественники наши какъ вышли изъ построекъ, такъ и пошли впередъ не останавливаясь, кто какъ хотѣлъ или могъ, растянувшись по пустынной дорогѣ безконечной вереницей. Спрашиваю одного пѣшехода, говорилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ же, но конный, что ты тащисья одинъ себѣ? — А что? отвѣчаетъ онъ. — Какъ, что? А разбойниковъ не боишься? — Во-то! На Иорданъ - то идучи бояться? У тебя, видно, Иорданъ - то не разнится отъ *ердани* твоего села, подумалъ я, и заключилъ свою бесѣду пожатіемъ плечей — единственно, что оставалось мнѣ сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, это безстрашіе или равнодушіе къ тому, что можетъ случиться, замѣчаемое по преимуществу въ нашихъ соотечественникахъ, поражаетъ здѣсь всякаго. При всемъ томъ, разрозненныя массы народа къ ночи благополучно спустились съ горъ, и, не доходя до Іерихона верстъ двухъ или трехъ, сдѣлали привалъ при водѣ текущей. Тудаже поздно ночью пришли и верблюды.

Узнавъ, что Миссія отправляется утромъ въ четвертокъ, и надѣется быть къ вечеру на священной рѣкѣ, я, во избѣжаніе лишняго труда и лишняго неудобнаго ночлега,

рѣшился примкнуть къ ней. Для чего требовалась впрочемъ небольшая жертва, а именно: во 1-хъ надобно было нанять лошадь, и слѣд. приплатить нѣсколько лишнихъ піастровъ *), а во 2-хъ надобно было ѣхать скорѣе и иногда даже мчаться вслѣдъ за другими, что для возраста, цвѣтущаго сѣдинами, не совсѣмъ легко. Рано утромъ я былъ уже готовъ въ путь, но выѣхать пришлось не на свѣту, какъ предполагалось, а уже довольно спустя времени по восхожденіи солнца, т. е. часовъ около 7-ми. Предводительствовалъ поѣздомъ нашимъ Бавасъ Мисси, магометанинъ, знающій довольно по-русски и гордый своею долговременною службою *Rossii*, но на этотъ разъ нѣсколько упавшій духомъ отъ полученнаго нагоняя за поздній приводъ лошадей. Вѣтеръ въ теченіе минувшей ночи нагналъ на небо облака, уже дня четыре непоказывавшіяся вовсе. Бывшій при насъ, медикъ утверждалъ, что барометръ еще вчера началъ упадать. Не смущаясь ничѣмъ, мы весело спустились къ Геосиманіи, а оттуда поднялись на Элеонскую гору, и, проотившись съ видомъ Іерусалима, поѣхали къ *Виваніи*, миновавъ которую опять спустились въ юдоль *Ходзъ* къ такъ называемому источнику Апостоловъ. Отсюда дорога идетъ верстъ на 10 большею частію ровною и мягкою стезею, чуть замѣтно спускаясь и дѣлая изгибы. Послѣ одного изъ таковыхъ открылся впереди красный камень, перегораживающій дорогу, съ висящими за нимъ развалинами. Это такъ называемая *юстинница добраго Самарянина*, извѣстная изъ Евангелія. Поднимаясь къ ней, мы видѣли

*) За осла на передній и обратный путь платили 30 піастровъ, за мула 45 и 50, за лошадь 60 и 65, за мула съ двумя сидѣльными ящиками 80, за верблюда 90. Сбруя, кормъ и присмотръ хозяйскіе.

при самой дорогѣ небольшую кучу набросанныхъ камней. Кавасъ сказалъ, что тутъ похороненъ кто-нибудь убитый. Такихъ могилъ сотни *), прибавилъ онъ. Еще выше на косогорѣ встрѣтили мы двѣ партіи земляковъ. Сперва мы ихъ приняли за остатки вчерашняго каравана, и подивились было тому, что они гдѣ-то отстали отъ народа. Но вскорѣ оказалось, что мы ошибались. То были новые поклонники, вчера только прибывшіе въ Іерусалимъ изъ Яфы. Нашедъ пріюты наши пустыми и, узнавъ въ чемъ дѣло, они, не долго думая, рѣшились и сами отправиться на Іорданъ. Сегодня еще до свѣту, не спросившись никого, они пустились въ путь вслѣдъ за какимъ-то вожатымъ изъ нихъ же самихъ, вѣроятно не въ первый разъ уже прибывшимъ сюда. Одинъ изъ нихъ шель теперь по одалъ отъ всѣхъ въ одной рубахѣ, повѣсивъ черезъ плечо верхнюю одежду. Ему было жарко. Если бы не каменная дорога, онъ снялъ бы, конечно, и также повѣсилъ за спину себѣ, и сапоги свои. Видно было, что онъ сознаетъ себя совсѣмъ дома, чудись вѣроятно только тому, что сегодня не Петровка, а канунъ Крещенья. Говорите такому сколько хотите, что здѣсь не его Покровское или Ильинское, а дикая пустыня, въ которой вмѣсто Ивановъ да Петровановъ рыщутъ Бедуины, онъ вамъ поклонится въ знакъ согласія и даже прибавитъ пожалуй: вѣстимо, батюшка, чужая сторона, и все таки пойдетъ, какъ бы шель по своему полю. Что это не храбрость и не одна вѣра въ охраняющее Провидѣніе, легко убѣдиться, вспомнивъ тотъ принципъ русской

*) Меньше, конечно. Другой мы не встрѣтили на всемъ протяженіи горной дороги.

жизни, который такъ выразительно знаменуется словомъ : *ничего*. *).

Мы поднялись къ красному камню, который, по мѣрѣ

*) *Ничего* ! А вотъ что рассказалъ мнѣ сегодня одинъ изъ соотчичей К. Кл... «Мы — втроемъ : я, Аѳ... и Ан... — сходили уже съ послѣдней горы, что надъ Іерихономъ, было часовъ 7 утра. Вдругъ впереди насъ изъ за камня высунулось ружье, и заревѣлъ голосъ : стой (по-арабски) ! Выступилъ человѣкъ и сталъ давать намъ повелительные знаки, чтобы мы снимали платье и клали на землю. Въмѣсто того, я пошелъ прямо на него тихо и спокойно, сталъ указывать ему на небо, на сердце, повторяя при семъ по-арабски имя Бога. Но злодѣй продолжалъ цѣлиться въ меня. Тогда я закричалъ своимъ : что вы зѣваете, они кинулись къ нему, а я схватилъ ружье. Онъ выхватилъ ножикъ, но и ножикъ очутился у насъ же. Тогда подлый человѣкъ сталъ кланяться намъ и молить насъ отдать ему ружье, въ свою очередь повторяя имя Божіе, и показывая, что онъ сейчасъ уйдетъ отъ насъ въ горы. Мы повѣрили клятвенному слову, и отдали ему его вещи, а сами пошли впередъ. Чтожъ вы думаете ? Вѣдь онъ забѣжалъ впередъ, и опять оставилъ на меня ружье свое дурное. Меня это привело въ такую злость, что я сталъ какъ звѣрь. Мерзостная тварь вѣдь знаетъ, что если и убьетъ меня, все же самъ не избудетъ смерти ; ибо насъ трое, а онъ все лезетъ на горло ! Мы всѣ кинулись на него вдругъ, и свалили разбойника на землю, да ужъ потомъ били его безъ всякой пощады чѣмъ попало. Вѣрите, я убилъ бы проклятую собаку тростью, если бы Ан... не подставилъ руки своей. Богъ спасъ меня отъ грѣха и бѣды. Бѣды — говорю, потому что тутъ же впереди насъ показались еще четверо такихъ же сорванцовъ, и пятый старикъ съ дѣвочкой. На бѣду Аѳ... возми да и выстрѣли изъ ружья на воздухъ ! Какъ это меня разсердило, и сказать не могу. Битый заликовалъ отъ радости. Я понялъ, что наступаетъ минута не хорошая, схватилъ ружье, досталъ изъ кармана сахару, и сталъ вбивать его шомполомъ въ дуло, показывая видъ, что заряжаю ружье. Негодный тотъ поднялъ вопль отчаянія. Подходившіе всѣ были съ ружьями, но вѣроятно не заряжен-

приближенія нашего къ нему, отдѣлился отъ стоявшей за нимъ высоты, и далъ намъ различить три отдѣльные предмета: на-право отъ дороги — двѣ пещеры съ остатками бывшихъ когда-то при нихъ построекъ, на лѣво — большой четырехугольникъ разрушенныхъ стѣнъ, къ коимъ примыкали когда-то изнутри комнаты и по срединѣ двора — двѣ систерны, изъ коихъ одна еще содержала въ себѣ воду. Это

ными (?), и обходили насъ стороною. Старикъ напалъ на обидчика нашего съ бранью а потомъ и съ кулаками, а дѣвочка подошла ко мнѣ, стала кланяться и цѣловать мои руки, показывая, чтобы я отдалъ ружье старику. Я увидѣлъ, что у этихъ звѣрей двуногихъ есть чувство человѣческое, и отдалъ дѣвочкѣ и ружье и ножикъ. Старикъ крѣпко благодарилъ насъ и показалъ впередъ рукою, давая знать, чтобы мы шли мирно. Выслушавъ рассказъ этотъ, я сказалъ: но вѣдь это чудо, что злодѣй-то два раза отдался вамъ въ руки, не сдѣлавъ по васъ выстрѣла!—А то что же? конечно, чудо. Его руку держалъ Богъ. — Ну а вы и не боялись идти-то на него прямо? — Чего бояться? Развѣ онъ могъ убить меня? — А развѣ не могъ? — Видно, что не могъ, когда не выстрѣлилъ. Попуститъ ли Богъ убить меня въ то время, какъ я иду на дѣло богоугодное, скажите вы сами? И думаете вы, что убить себѣ подобнаго легко? Вѣдь онъ видитъ себя самаго во мнѣ... Благимъ заключеніямъ своимъ рассказчикъ вѣрилъ искренно, и находилъ подтвержденіе имъ и въ томъ необъяснимомъ обстоятельстве, что четверо другихъ разбойниковъ также не тронули его, хотя могли бы убить всѣхъ троихъ, отмщая за побои, нанесенные ими одному изъ своихъ собратій по преступному ремеслу. Впрочемъ, прибавилъ онъ, надобно и то сказать, что вслѣдъ за послѣдними четырьмя показалась цѣлая толпа народа съ женщинами и дѣтьми, которую тѣ безъ сомнѣнія видѣли за собою, отчего и не посмѣли обидѣть насъ. — Безъ этого обстоятельства наши пилигримы дѣйствительно не легко бы, можетъ быть, отдѣлались отъ «себѣ подобныхъ». Все это происходило 5-го января 1867 года.

собственно и есть такъ называемая *гостинница Самарянина*, зовомая теперь по старой памяти: *Ханъ*, и строенная, какъ можно думать, уже въ турецкія времена. Третій предметъ — это возвышавшійся за Ханомъ коническій холмъ, увѣнчанный развалинами, тоже не очень древними. То была нѣкогда крѣпость, выстроенная четырёхугольникомъ и обнесенная рвомъ. Съ крыши бывшей казармы мы полюбовались видомъ къ западу — на хребетъ Іерусалимскихъ горъ, къ востоку — на спускавшіяся къ Іордану цѣпи горныхъ уступовъ, то зеленыхъ, то бѣлесоватыхъ, однообразныхъ и безжизненныхъ, наводящихъ на душу тоску и уныніе, и къ сѣверу — на обширную перспективу горныхъ равнинъ, обанчивавшуюся въ отдаленности Ливаномъ, покрытымъ снѣгомъ. Мѣсто это находится на половинѣ пути между Іерусалимомъ и Іерихономъ, и сторожитъ собою всю безлюдную и зловѣщую пустыню. Сождавшись тутъ своихъ отсталыхъ, мы двинулись впередъ, спускаясь съ горы на гору и не видя конца спуску. Стезей намъ служилъ уже постоянно одинъ голый камень, иногда до того скользкій, что непривычному ѣздоку страшно было смотрѣть подъ ноги лошади. Съ лѣвой стороны дорога стала подходить къ окраинѣ ужаснаго ущелья, начинающагося у самыхъ высотъ Іерусалимскихъ, и идущаго къ Іордану. Въ верховьяхъ оно называется *Фаре*, гдѣ была первая Палестинская Лавра св. Харитона, а при выходѣ въ равнину: *Хозевъ*, гдѣ также была, не менѣ славная, Лавра этого имени, давшая церкви двухъ великихъ угодниковъ Божіихъ: Георгія (8 янв.) и Іоанна (28 окт.). По всему ущелью несетя быстрый и шумный потокъ, едва различаемый сверху между скалами и камышомъ.

Въ полдень мы оставили за собою горы, и вступили

въ равнину Иордана, которою съ полчаса ѣхали до башни, знаменующей собою мѣстность древняго Иерихона. Не доѣзжая до селенія переѣхали въ бродъ потокъ оный Фаро-Хозевскій (онъ же ли Евангельскій Энонь (10. III. 32), не мнѣ судить и рѣшать, простому поклоннику). Населеніе нынѣшняго Иерихона голо-грязное и дико-наглое, а видъ убогихъ хижинъ его недоступенъ описанію. Буча почти нагихъ дѣтей, сидѣвшихъ и бѣгавшихъ по пригорку, встрѣтила насъ громкимъ привѣтомъ: хаджи, бакшишъ (поклонникъ, подарокъ!). Это дѣлается будущими хозяевами историческаго мѣста не столько съ сознаниемъ и намѣреніемъ, сколько по привычкѣ или и просто для упражненія голоса. Ибо никто, разумѣется, и не думаетъ одаривать такихъ попрошайекъ, не располагающихъ къ себѣ ничѣмъ, всего менѣе — своею наготою, да и они сами сегодня же утромъ конечно убѣдились, что сотни миновавшихъ хаджи остались глухи къ типическому слову Востока: бакшишъ. Мы проѣхали Иерихонъ не останавливаясь. Окрестность вся зеленѣла отъ садовъ и восходящихъ посѣвовъ. Отселѣ вмѣсто восточнаго мы взяли южное или почти южное направленіе, прямо въ лице солнцу, палившему насъ своими жгучими лучами. Мы прятались отъ нихъ подъ зонтиками, и скидывали съ себя кто какую имѣлъ верхнюю одежду. Иордана не было видно, и вся равнина представлялась однимъ сплошнымъ, кое-гдѣ слегка изрытымъ, полемъ до отдаленныхъ горъ Моавитскихъ. Но этѣ легкія рывины были тоже горы, выставившія передъ нами одни верхи свои. Еще нѣсколько спусковъ предстояло намъ хотя по утвержденію карты Палестины (van de Velde. 1866), еще не спускаясь съ высотъ надъ Иерихономъ, мы находились уже ниже уровня Средиземнаго моря.

Не знаю, есть ли еще гдѣ на земномъ шарѣ такое низкое мѣсто. Мертвая теперь, пустыня это была нѣкогда *яко рай Божій*. Даже и во времена царства Евреевъ она была, какъ надобно думать, заселена и обрабатываема. Да и въ недавнее сравнительно время еще ее описывали покрытою виноградниками столькихъ монастырей пустынныхъ. Теперь не встрѣчаешь на ней ничего, кромѣ кустиковъ сухой и колючей травы, ни къ чему не пригодной. — Впереди насъ показала черная точка, которая мало-помалу разрастаясь, по мѣрѣ приближенія нашего къ ней, превратилась въ кучу зданій. Намъ сказали, что это бывший монастырь св. Герасима Иорданскаго, при имени котораго невольно припоминается и служившій ему левъ. Теперь львы на Иорданѣ неслыханная вещь. О тиграхъ иногда еще можно услышать. Гиенъ и шакаловъ много. Огнестрѣльное оружіе выгнало царя пустынь изъ его владѣній. Оно же, кажется, одно можетъ выгнать въ наше время изъ тѣхъ же пустынь нынѣшняго царя ея — Бедуина. Полагають, что если бы Ибрагимъ-паша Египетскій удержалъ за собою Палестину хотя лѣтъ на 20, бедуины превратились бы въ мирныхъ феллаховъ, подобныхъ по крайнѣй мѣрѣ Иерихонянамъ. Монастырь пр. Герасима (вѣрнѣе: *Каламонскій*, ибо Герасимовъ лежалъ, по свидѣтельству древнихъ паломниковъ, при самомъ Иорданѣ) отстоитъ верстъ на 5 отъ Иордана, и занимаетъ относительно высокое мѣсто. Онъ еще легко могъ бы быть возстановленъ и служить пріютомъ для поклонниковъ. Другой такой же, но еще болѣе разрушенный, монастырь св. Предтечи едва отдѣлялся своими желтоватыми развалинами на песчаной почвѣ равнины влѣво отъ нашей дороги. Онъ

отстоять отъ Иордана только на версту, и еще удобнѣе могъ бы служить поклонническимъ пріютомъ.

Съ послѣдняго холма открылось наконецъ и побережье Иордана. На полверсты въ ширину правый берегъ его опушенъ довольно густо деревьями, въ настоящую пору безлиственными. Мѣсто, къ которому мы направлялись, издали можно было отличить по синеватому дыму и двумъ бѣлѣвшимъ палаткамъ. При самомъ вѣздѣ нашемъ въ кусты насъ встрѣтилъ арабскій священникъ въ черной чалмѣ. Поздоровавшись съ начальникомъ Миссіи, онъ быстро устремился впередъ. Черезъ нѣсколько секундъ за кустами раздался оглушительный выстрѣлъ, переполошившій лошадей нашихъ, за нимъ другой, третій... и началась пальба неумолкаемая. На встрѣчу намъ выступала густая толпа арабовъ, всѣ съ ружьями. Сдѣлавъ привѣтъ намъ, они пошли впередъ, оглашая воздухъ крикомъ и пальбою и какою-то особаго рода визгливою трелью, къ которой способенъ языкъ только здѣшнихъ арабовъ. У самой палатки оруженосцы стали въ два ряда, и сдѣлали, какъ могли, на плечо, отдавая честь нашему Архимандриту. Вся эта неожиданная встрѣча сдѣлана была жителями Виелеема, пришедшими нарочно сюда на праздникъ вмѣстѣ съ своимъ священникомъ и шейхомъ. Надобно признаться, что не смотря на дикій характеръ ея, она имѣла свою торжественность, и была кстати. Русь наша также радостно, хотя и безмолвно, привѣтствовала насъ. Чуть не въ каждой рукѣ видѣлись пучки камыша, разносимаго отсюда по всей Россіи. Видно было, что трудолюбцы не сидѣли даромъ, а чуть пришли сюда и принялись за работу. Кромѣ рѣзанья палогъ и дудогъ, собирали камни въ Иорданѣ, мыли въ немъ и сушили на

солнышгѣ простыни, платки и пр. Весь поклонническій лагерь занималъ мѣсто около полуверсты въ квадратѣ. На обрывѣ невысокаго (сажени полторы) берега устроена была Саввинскими монахами изъ колевь и прутьевъ малѣйшая церковь, или точнѣе восточная стѣна предполагаемой церкви съ престоломъ и жертвенникомъ, прилично украшенная иконами на полотнѣ и на деревѣ. Передъ церковью на возвышеніи стояла палатка Миссіи о трехъ верхахъ. Другая палатка, неподалеку отъ первой, о двухъ верхахъ, служила складочнымъ мѣстомъ провизіи и вмѣстѣ пріютомъ для почетныхъ или недужныхъ женщинъ.

Чуть начальникъ Миссіи сошелъ съ коня, его окружили старцы лавры св. Саввы, прибывшіе на Иорданъ по предварительному соглашенію съ нимъ, и затѣмъ все Вилеемиты принимали отъ него благословеніе. Было около 3-хъ часовъ дня. Самое пріятное и безъ сомнѣнія на вѣкъ для меня незабвенное зрѣлище было передо мною. Отдыхая въ тѣни прибрежнаго дерева возлѣ самой почти церкви, подъ быстро несущимися водами Иордана, посреди такой разнородной толпы, и слушая поминутно мѣнявшуюся рѣчь русскую, греческую и арабскую, русскую на греческій ладъ, русскую на арабскій ладъ, и наконецъ какую-то смѣшанную изъ всѣхъ трехъ рѣчей, я забывался и все какъ-бы спрашивалъ у себя: гдѣ это я, и что это такое кругомъ меня? Ужели это столь памятный, скучный и мрачный, тяжелый, морозный Сочельникъ Крещенскій? Эта теплынь, эта зелень, это веселое кочевье, этотъ неразумѣемый немолкаемый говоръ, эта невообразимая въ Россіи пестрота и своеобразность одеждъ, эта — всего похоже — ярмарка, но ярмарка не расчета, а святаго увлеченія, мѣна не това-

ровъ, а чувствъ, и наконецъ этотъ, все собою заслоняющій, объединяющій и объясняющій Иорданъ — чудно все это было до того, что хотѣлось плакать. Земля глухо приняла судорожный ударъ руки, которымъ какъ бы хотѣлось передать ей, заставить понять ее, какой наплывъ чувствъ затоплялъ сердце. Но это еще далеко не то, чего ждетъ отъ христіанина Иорданъ! То ждомое, — восторженное возвышеніе ума, — приготовляемое простотою, чистотою, трудомъ, постомъ и изнеможеніемъ, пряталось гдѣ-нибудь по осторонь отъ людей подъ кустъ, подъ вымытый въ Иорданѣ платокъ, или и просто подъ радующій солнечный лучъ.

Въ 4 часа пискливое звенѣніе импровизованнаго колокола (подсвѣчника) дало знать кочевникамъ, что начинается Служба. Давно дожидавшіеся молитвы не заставили ждать себя. Въ двѣ-три минуты передъ алтаремъ собралась густая толпа народа. Иеромонахъ Миссіи началъ служить Вечерню. По прибытіи *) нашего каравана на Иорданъ, отцемъ игуменомъ лавры была совершена, правда и Вечерня и Литургія по уставу, и намъ оставалось, потому, теперь служить одну Утреню, но распоряженіе было сдѣлано начать русскій праздникъ русскою Вечернею. И всѣмъ такъ отрадно было слушать на родномъ языкѣ стихиры и пареміи, глашавшія объ Иорданѣ. Служба кончилась уже въ сумеркахъ. Народъ разошелся. Постившіеся цѣлый день, труженики мочили въ Иорданѣ свои, за полгода печенные и за тысячи верстъ

*) Ночь провели, какъ я уже сказалъ въ полѣ у Иерихона, грѣясь около костровъ жгомага терновника, коимъ усѣяна вся окрестность, нѣкогда знаменитая своимъ садами съ тропическими растениями. На разсвѣтѣ большая часть поклонниковъ прямо пошла на Иорданъ, а нѣкоторые заходили еще на Сорокодневную гору.

несенные, сухари, и жалѣли, конечно, что не могли подѣлиться своею несравненною трапезой съ далекими родными. Неподалеку отъ большой палатки монахи-саввиты записывали имена для поминовенія завтра на проскомидіи, и продавали просфоры. Гривенники и пятиалтынные сыпались на поднось. Усердіе и убожество подавали другъ другу руку. Смѣшанная рѣчь греко-русско-болгарская посредствовала при этомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви подъ деревомъ, на самомъ обрывѣ берега, чуть различалась согбенная фигура смиреннѣйшаго, добродѣтельнѣйшаго и можетъ быть совершеннѣйшаго изъ современныхъ иноковъ христіанскаго міра, о. Іоасафа, бромѣ игуменства несшаго въ Лаврѣ и тяжелое иго духовничества, исповѣдывавшаго теперь поклонниковъ русскихъ и греческихъ. Нѣсколько выше его по теченію рѣки тоже дѣлалъ съ своими прихожанами Виоелемскій Пастырь.

Прошелъ часъ. Тѣмъ же звонкомъ обвѣщенъ былъ лагерь о началіи бдѣнія. Простота обстановки нашего богослуженія была по истинѣ трогательна. Площадка передъ Престоломъ, шага въ два длиною и въ три шириною занята была духовенствомъ. Къ жердямъ, поддерживавшимъ колья престольной сѣни, прилѣпляли свѣчки, долго освѣщавшія все ложе Іордана, пока поднявшійся вѣтеръ не потушилъ ихъ. Между площадкою и народомъ торчмя стоялъ толстый обрубокъ дерева, накрытый сверху покровцемъ. На необъятномъ сводѣ сего необычнаго храма висѣла достойная его лампада — луна. Все настраивало душу къ особенной, для многихъ изъ насъ еще новой и неиспытанной, молитвѣ. Служба началась по уставу Великимъ Повечеріемъ, за коимъ слѣдовала Литія. На обрубокъ и кругомъ его были постав-

лены 5 большихъ хлѣбовъ. Елея, какъ непривычной намъ русскимъ приправы, была самая малость — въ кофейной чашечкѣ, за то вина стояла у столба цѣлая дамижана (бутылъ ведра въ 2 и болѣе). Пять священниковъ русскихъ и одинъ арабскій окружали пустынную трапезу благословенія. Два іеродіакона то послavianски, то погречески возсылали моленія о всемъ мірѣ ко Вземшему грѣхи міра, и въ семь смыслѣ на сихъ самыхъ мѣстахъ свидѣтельствуванному отъ Предтечи. Всегда плѣнявшее сердце, выраженіе: *упованіе всѣхъ концовъ земли*, въ настоящія минуты трогало меня болѣе, чѣмъ когда-либо. Кто изъ собравшихся съ отдаленныхъ концовъ земли не думалъ надъ Іорданомъ о своихъ, сущихъ на концахъ земли? И гдѣ, во всемъ мірѣ христіанскомъ могло быть въ часъ сей моленіе, подобное нашему? — Читавшій молитву благословенія хлѣбовъ произнесъ: *хлѣбы сія, вино и елей...* Кто-то подсказалъ: *пшеницу, вин..* Ему тотчасъ же дали знать взоромъ, чтобъ онъ указалъ, гдѣ тутъ пшеница. Пшеницы въ самомъ дѣлѣ не было. Добрый соотечественникъ видимо растерялся. Послѣ службы онъ конечно вступитъ въ состязаніе съ кѣмъ слѣдуетъ, и станетъ доказывать, что если пшеницы и не было на самомъ дѣлѣ, то о ней сказано въ Служебникѣ. Мнѣ это обстоятельство напомнило, какъ въ старое время меня занимали выраженія: *плодъ сей новый лозный и рожденія лознаго*, слышимыя въ молитвѣ, читаемой 6 августа, разъ надъ вишеньемъ (на сѣверѣ Россіи) и разъ надъ яблоками (въ Малороссіи)... Конечно Господь знаетъ и видитъ, на что испрашивается молитвою Его благословеніе, но, если молитва намѣренно облекается въ разумное и соответственное слово, то, мнѣ кажется, въ ней

не должно быть мѣста тому, что не выражаетъ собою мысли. Съ началомъ Утрени подулъ неожиданный вѣтеръ, который во время Полчелая грозилъ сломать весь нашъ, легко, слѣпленный алтарь. Стоявшія на престолѣ иконы попадали, и почти всѣ свѣчи потухли. Но, къ утѣшенію столькихъ безпригровныхъ пришельцевъ, бушеваніе вѣтра было непродолжительно. Утрени кончилась часамъ къ 9-ти. Съ полчаса потомъ раздаваемы были народу благословенные хлѣбъ и вино. Еще съ полчаса длилось у того же алтаря чтеніе правила для причастниковъ. Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Прекрасная и любопытная картина была передъ глазами досужаго наблюдателя. Около 30—40 костровъ пылали въ разныхъ мѣстахъ между деревьями, окруженные двигавшимися то темными то багрово-освѣщенными фигурами. Дымъ жегомыхъ вѣтвей, подъ давленіемъ сыраго и холоднаго воздуха, стлался по землѣ, и также имѣлъ багровый отцвѣтъ. Слитный говоръ собесѣдниковъ, ихъ приглашенія и перекликанія, по мѣстамъ однотонное чтеніе и даже пѣніе втихомолку надъ рѣкою, крики и пѣсни погонщиковъ-магометанъ, справлявшихъ по своему уставу празднество рамазанной ночи, гуденіе бубенчиковъ мула, храпъ лошадей, кашель людей, и оглушительное изрѣдка ревѣніе ословъ, трескъ костровъ и плескъ неумолкаемой воды — все это занимало душу, и мѣшало сну. Подобно многимъ другимъ, я ходилъ отъ костра къ костру, и наблюдалъ особенности кружковъ русскаго, греческаго, болгарскаго и арабскаго. Плѣнило меня между прочимъ Саввинское братство. Старцы, кто прилегши, кто присѣдши, грѣлись у огня. Самъ *Гѣронда* (игумень) тутъ же пріютился. Ложемъ ему служили нѣсколько

гамышинъ, подушкою — кашеварный котелъ, а одѣяломъ — сводъ небесный! Мнѣ говорили, что многіе поклонники наши дали себѣ зарокъ въ самую полночь искупаться въ Іорданѣ. «Ужъ если дали, то искупаются непременно, во что бы то ни стало. Я это знаю»... говорилъ мнѣ передававшій извѣстіе, какъ бы подсмѣиваясь надъ обычаемъ зареченія. А я зналъ еще болѣе его, — зналъ, что онъ самъ, и недавая зарока, искупается непременно, чтобъ имѣть на весь вѣгъ свой память такого благочестія. Дождаться развѣ, подумалъ я, этого таинственного момента, въ который, говорятъ, вода дѣлается неподвижною, но, неблагоприятныя спокойному наблюденію, холодъ, сырость и дремота скоро уложили меня въ постель, т. е. на сырую землю.

Часовъ въ 5 утра дана была знакомая повѣстка собираться на божественную Службу. Сборы, разумѣется, не были продолжительны. Умывшись на Іорданѣ, и расчесавъ голову рукою, всякій былъ готовъ на молитву, — 5 — 10 шаговъ, и онъ стоялъ уже въ церкви! Было темно. Луна зашла, и огни потухали одинъ за другимъ по мѣрѣ уменьшенія около нихъ грѣвшихся. Густая толпа двигалась и волновалась у жертвенника съ просфорами и поминальниками, тѣсня по обычаю другъ друга. Проскомидія уже совершалась. Причастникамъ дочитывалось утреннее Правило. Въ полномъ облаченіи вышло изъ палатки духовенство, и немедленно стали читать Часы. Литургія вся шла обычнымъ порядкомъ. Громкое и стройное пѣніе пѣвчихъ Миссін на сей разъ сопровождалось подпѣваніемъ поклонницъ и льстило слуху ласкающими звуками alto и organo. Я не слыхалъ еще нигдѣ такъ пріятно поемаго: *Елицы во Христа крестистесе* и пр. Можетъ быть, кромѣ напѣва, и

самое мѣсто содѣйствовало сей пріятности. Частовременно за обѣдной слышалось и *киріе елейсонъ* и я *Рабъ архамъ* (Господи помилуй!), равно какъ и возгласы иноязычные. Апостоль и Евангеліе также читаны были на разныхъ языкахъ. На сугубой эктеніи поминались имена собравшихся на праздникъ христіолюбцевъ. Причастниковъ было столько, что вынуждены были пріобщать ихъ на двѣ руки. Литургія кончилась съ разсвѣтомъ. Вслѣдъ за нею сошли всѣ на Іорданъ къ удобному мѣсту шагахъ въ 30 отъ церкви. Берегъ тутъ вышелъ отлогимъ скатомъ. Вода была мѣлка, и пробиралась между камнями. Вся ширина священной рѣки, думаю, не превышаетъ тутъ 4-хъ сажень. Противоположный берегъ былъ крутъ и скалистъ и опушенъ густою чащею лѣса. Знаменитая и преславная рѣка такъ похожа на множество русскихъ рѣчекъ, что соотчичи наши не надвигаются ея скромности и невзрачности, увидавъ ее въ первый разъ. Если бы не чрезвычайная быстрота и не мутность воды, то дальній странникъ подумалъ бы, что это его какая нибудь Крутиха или Солодянка, и высматривалъ бы на берегахъ ея знакомаго огорода изъ березовыхъ жердей. Все такъ просто, обыкновенно, мѣлко, узко, грязно — пожалуй, знакомо отъ первыхъ дней дѣтства! Такъ, но это онъ — Іорданъ, при имени котораго все въ душѣ готово воспрянуть, и нестись-нестись безъ конца въ глубь вѣковъ минувшихъ на встрѣчу покланяемому таинству Божоявленія! Что сказать? Надобно быть на Іорданѣ, чтобы понять, какимъ сладкимъ умиленіемъ можетъ проблгнуть сердце этотъ родной, ласковый влекущій звукъ несравненнаго имени, по истинѣ завѣтнаго, и даже — двузавѣтнаго! Читають краткое Евангеліе: *и абіе восходя отъ воды, видѣ*

разводящаяся небеса, и Духъ яко голубь сходящъ на нь. И гласъ бысть съ небесе.... Никогда во всю жизнь мою слова эти не производили такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ теперь. И все это было *здѣсь* — на маломъ участкѣ земли, на малѣйшемъ участкѣ воды! А что такое это все? О міры міровъ, безпредѣльные и безчисленные и подавляющіе всякій расчетъ ума! Не завидую вашему недоступному величеству и не страшусь вашего поражающаго множества. *Тутъ* было То, что создало васъ, держитъ васъ, можетъ бросить, сокрушить, истинить васъ, само Божество тріипостасное, — въ явленіи образа и гласа, ясномъ, тихомъ, маломъ, нашемъ!... *«Тебе поетъ солнце, тебе славитъ луна, тебѣ соприсутствуютъ звѣзды...* При этомъ усилии слабой мысли и немошнаго слова представить славу Божества, изъ за кручи противоположнаго берега возсіяло солнце. Теплый лучъ его согрѣлъ тѣло, когда душа и безъ того пламенѣла. Погружаютъ Крестъ въ священныя воды. Тропарь Богоявленія поемъ всѣ. Я думаю не было изъ насъ никого, кто бы не считалъ себя на этотъ разъ въ нѣкоторомъ родѣ первенцемъ празднующихъ. Десятки тысячъ водосвятій совершаются сегодня по необъятному пространству православной земли, но ни одно изъ нихъ не равняется съ нашимъ. Не только на Иорданѣ, но, по голосу Преданія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился Господь, мы молились. Нужно ли что еще прибавлять къ сему? Во второй разъ Тропарь пѣтъ былъ по-гречески, въ третій—по-арабски. Все множество народа нетерпѣливо устремилось съ своими «Иорданскими» жестянками, чтобы зачерпнуть сугубо—святой воды. Нѣкоторые изъ нашихъ ниже по теченію рѣки стояли по поясъ въ самомъ Иорданѣ, кто съ сосудомъ, кто въ ожи-

даніи минуты погрузиться... Во все время священнодѣйствія была совершенная тишина въ воздухѣ, и поставленныя между камнями на дно Іордана, свѣчки горѣли ярко и тихо, такъ что радость была смѣтрѣть на нихъ.

Да будетъ свѣщеніе ихъ знаменіемъ непрестающаго пребыванія съ нами *Свята тихаго святыя славы безсмертнаго Отца Небеснаго, святаго, блаженнаго!*

Да будетъ оно знаменіемъ и неугасимости Евангелія въ сдичалыхъ мѣстахъ этихъ, между людьми, по прежнему *свѣдящими во тмѣ и снѣи смертнѣй!*

Да будетъ и пребудетъ оно радующимъ знаменіемъ тихаго и яркаго сіянія добродѣтели и славою любезнаго Отечества, его Самодержца и новой, свѣтлой Четы будущихъ вѣщценосцевъ!

Въ 7 часовъ началось угощеніе въ обѣихъ палаткахъ. Въ большей предложенъ былъ чай служащимъ. У меньшей раздавались всему народу хлѣбъ, вино, сыръ, винныя ягоды и апельсины. Часа полтора длилось это хлопотное дѣло. Не мало было шума, крика, жалобъ и попрековъ. У духовно-плотянаго животнаго, каковъ человѣкъ, попеременно высказываютъ себя то плоть то духъ. Упиться умиленіемъ отъ одной капли Іорданской воды, и вслѣдъ затѣмъ поднять войну за укрукъ хлѣба, этому не-диво потому было случиться. «Ужь лучше бы не давать ничего, чѣмъ раздавать такъ безъ толку», говоритъ озлобленная старушка. У другой поклонницы одинъ изъ распорядителей угощенія спрашиваетъ, закусила ли она? «Всѣмъ довольны вашею милостию, отвѣчаетъ та. Вашъ прислужникъ, спасетъ его Богъ, прогналъ меня отъ палатки. — Но, матушка, возражаютъ ей, у той палатки, куда вы проторились, не раздавали

ничего. — Вѣстимое дѣло, не раздавали, говоритъ неумолимая, какъ бы раздавали, такъ я бы и не говорила. Много благодарны вашей милости». Надобно было проглотить тоже съ благодарностію такой, совершенно русскій, способъ заявленія досады. И вѣдь пойдетъ неугомонный язычокъ чесать по всему свѣту, что ее, убогую, обидѣли свои же на самомъ Иорданѣ! — Подходить ко мнѣ поклонникъ и спрашиваетъ, не знаю ли я, какъ зовутъ того, что раздаетъ «пильсинки»? — А что тебѣ, спрашиваю я? — Да такъ. Я найду дорогу на него къ консуру. — Что же онъ тебѣ сдѣлалъ такое? — Про-то я знаю... Онъ ударилъ меня по щекѣ. — Не можетъ быть! — Еще тебѣ не можетъ быть! Своимъ-то туркамъ такъ полны пазухи надавалъ всякаго добра, а намъ русскимъ ничего! — Какимъ своимъ туркамъ? Онъ такой же христіанинъ, какъ и ты, и арабы тѣ тоже всѣ православные христіане. — Такъ что, что православные? Мы пришли за тысячи верстъ, а они тутошніе. Насъ надо уважать». — Что было сказать на это? Случается точно, что мы чужихъ отличаемъ въ ущербъ своимъ. Но тутъ дѣло было другаго рода. Чужіе эти были люди, не дожидаящіеся подчиванія, и на кусокъ хлѣба смотрящіе прямо съ точки зрѣнія четвероногихъ. Отъ нихъ дѣйствительно отбою не было. Но за то они въ честь Россіи не жалѣли ни рукъ ни ногъ, ни пороха ни горла. Во все время, какъ Виолемиты, прощаясь подходили къ рукѣ нашего архимандрита, они во весь голосъ непрерывно что-то вопили, а потомъ, отправляясь въ обратный путь, наполнили опять пустыню громомъ выстрѣловъ. Чтожь? И то утѣшеніе. Такъ, но—битая щека?... А битая щека говорила потомъ: да давай онъ (бывшій) мнѣ и *десять рублей,*

такъ я не помирюсь съ нимъ... На Иорданѣ-то такое *дорогое* озлобленіе! Утѣшимся хоть этимъ, любезный читатель, имѣя въ виду, что есть еще для суда и расправы «Консуръ».

Опустѣло шумное побережіе, кишащій народъ исчезъ, и палатки болѣе не бѣлѣютъ. Праздникъ на Иорданѣ кончился. Одну память его понесли съ собою въ путь поклонники. Мнѣ, повѣствователю, можно бы было также положить тутъ перо свое. Весь обратный путь нашъ былъ трудъ и изнеможеніе. Но къ этому неизбѣжному злу присоединилось много и такого, чего можно было, и слѣдовало, избѣжать. Ничего пріятнаго не остается мнѣ сказать читателю. Но именно непріятная-то сторона праздника и должна быть имъ узнана. Это заставляетъ меня еще продолжить рассказъ свой. — Напившись въ сотый разъ Иорданской водицы и помолвившись Господу Богу, поклонники другъ за другомъ уходили съ берега за кусты, и направлялись по знакомой тропинкѣ. Къ 10-ти часамъ на мѣстѣ ночлега оставались только лавріоты и наша миссія. Временная церковь была разоблачена. Поклонницы наши разобрали въ благословеніе себѣ палки и прутья, составлявшіе престолъ. Остовъ церкви однако-же остался, по желанію о. игумена. Наконецъ хозяева (монахи) простились съ гостями (нами), и отправились домой дорогою, прямо ведущею въ лавру св. Саввы. За ними поѣхали и мы. Глубокій поклонъ, глубокий взоръ и глубокий вздохъ посланы были Иордану. И вотъ мы уже не видимъ его. Въ кустахъ ожидаемъ другъ друга. Около четверти часа стояли, нетерпѣливо поджидая мула съ сидѣньями, изъ коихъ въ одномъ предположено было усадить недужную старуху, только что за два дня до дороги выпущенную изъ больницы, и совершенно обезсилѣвшую отъ

пѣшеходства. Прежде, чѣмъ ходячій этотъ лазаретъ присоединился къ намъ, до насъ дошло извѣстіе, что тамъ произошла ссора. Оказалось, что провожатый (онъ же и раздававшій апельсины), усаживая больную на мула пригрозилъ ей, сказавши: «сиди смирно, а не то я тебѣ *разобью* голову». Нашелся человѣкъ, который счелъ долгомъ своимъ заступиться за беззащитную, и протестовалъ противъ звѣрскаго обѣщанія провожатаго. Ему отказали въ правѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло.. Дошло до размолвки, и берега Иордана огласились нехристіанскою бранью. Тагъ передалъ дѣло обиженный защитникъ обидимаго. Совсѣмъ не кстати подошедшій, случай этотъ огорчилъ всѣхъ насъ, особенно — когда, со словъ другой стороны, мы узнали, что первожадовавшійся грозилъ, что *застрѣлитъ* своего противника.. Обвиненія одно страннѣе другаго! Не повѣрять ни тому ни другому было самымъ благоразумнымъ дѣломъ. А меня врагъ, конечно, подбивалъ все посмотреть пристальнѣе въ глаза тому и другому противнику, не окажется ли тамъ кто-нибудь третій натолкнувшій ихъ другъ на друга?... Вскорѣ дѣло стало объясняться. Съ одной стороны утверждали, что недужной сказано было только, чтобы она сидѣла смирно; ибо, въ противномъ случаѣ она упадетъ, и *разобьетъ* себѣ голову, а съ другой стороны заявляли, что защитникъ обижаемой, унижая значеніе провожатаго, говорилъ ему, что его стѣбитъ уложить въ пушку и *выстрѣлить*... *).

Смѣшно—прискорбная исторія эта была началомъ другихъ. Отъѣхавъ нѣсколько отъ кустовъ, мы нагнали двухъ от-

*) Не въ мѣру изысканная форма подобной рѣчи, повидимому, оправдываетъ мое намѣреніе посмотреть въ глаза противникамъ.

ставшихъ поклонниковъ земляговъ. Одинъ изъ нихъ велъ другаго. Ведшій пошатывался, а ведомый падалъ послѣ каждаго новаго шага. Вѣрные домашней привычкѣ проводятъ празднигъ у кабака, пріятели вспомнили о ней и на Иорданѣ, куда, какъ видно, пришли не съ пустыми жестянками. Въ большое затрудненіе поставила насъ эта новая неприятность. Кое-какъ успѣли встакить на мула и усадить въ нарочно опорожненный, другой ящикъ безчувственнаго старика. Увидавъ это, товарищъ его съ безстыдствомъ, рѣдкимъ даже въ пьяномъ, потребовалъ и себѣ лошади. Въмѣсто того, его порекомендовали особенному вниманію погонщиковъ, которые съумѣли вытрезвить его еще до Иерихона.

Въ полдень мы подъѣзжали къ Иерихонской башнѣ. По прежнему, цѣлая арава дѣтей встрѣтила насъ своимъ неизмѣннымъ привѣтомъ. Они сидѣли на выгонѣ деревни и любовались многолюдьемъ возвращавшихся съ Иордана поклонниковъ. Не смотря на множество и разнообразіе впечатлѣній дня, при имени Иерихона не возможно было не припомнить и Иисуса Навина, обходящаго стѣны его, и Илию съ Елиссеемъ и Захея и Вартимея, паче всѣхъ — *Его*, Назарянина — по отъезду имѣвшихъ очи, и Сына Давидова — по словамъ слѣпца... Но не время было останавливаться на событіяхъ, требующихъ спокойнаго и неразсѣяннаго вниманія. Насъ ждали впереди поклонники. Такъ по крайней мѣрѣ мы воображали въ простотѣ сердца. Точно толпа землячекъ, человекъ въ 30 сидѣла не подалеку отъ башни при дорогѣ, и при нашемъ приближеніи жаловалась, что ея кто-то *) не знаетъ зачѣмъ остановилъ тутъ, и велѣлъ ей

*) Этотъ неизвѣстный *кто-то* образуется слѣд. образомъ. Сидятъ напр. поклонницы, и досаждаютъ, что сидятъ напрасно. Которая нибудь

чего-то дожидаться. Ей объяснили, что все́мъ поклонникамъ слѣдовало бы тутъ сождаться и горами идти уже вмѣстѣ. Но такъ какъ большинство давно уже было въ горахъ, то сказано было, чтобы и эта партія поспѣшила соединиться съ прочими. Шейхъ селенія пригласилъ Миссію зайти къ нему. Въ той самой башнѣ онъ и живетъ съ своимъ семействомъ. Вываливши своего пьянаго, мы нашли у забора уже другаго такого же, спавшаго мертвымъ сномъ. Толпа оборванныхъ и дикообразныхъ (но — трезвыхъ, увы!) жителей, глядѣвшая какъ на-диво, на доставленную нами ношу, раздирала мнѣ сердце. О русь, думалъ я, держать бы тебя гдѣ-нибудь дома въ чуланѣ, и не показывать никому! Полюбовавшись съ вершины башни (постройки не древней) видомъ пустыни Иорданской, Мертваго моря и сторожащихъ его горъ, мы простились съ Шейхомъ золотымъ пожатіемъ руки, прося его отправить завтра съ надежнымъ провожатымъ больныхъ нашихъ въ Иерусалимъ. Добрый медигъ заговорилъ было, что старика оставить такъ нельзя, что у него уже почти не бьется пульсъ, что съ нимъ дорогою вѣроятно случился «солнечный ударъ» и пр. Ему отвѣчали улыбкой, и поѣхали впередъ *).

отъ скуки и скажетъ : чего мы тутъ, товарки, сидимъ-то? Другая тихонько молвитъ сосѣдкѣ : пойти-бы. А? Затѣмъ малое молчаніе, во время котораго силлогизмъ созрѣваетъ. Гдѣ-нибудь на другомъ концѣ произносится категорически : ино пойдѣмъ! На возраженіе какой-нибудь менѣ смѣлой или болѣе лѣнливой, ей уже прямо отвѣтятъ : сказано : идти, такъ и иди! Что тутъ еще?.. И вотъ *кто-то* повелъ партію впередъ! Большая ли разница между такою партіей и стадомъ овецъ, читатель самъ видитъ.

*) На другой день больные благополучно дошли до Иерусалима безъ всякаго провожатаго.

высадили изъ ящика за ея двоедушное свидѣтельство о наклоненіи, времени, лицѣ и залогѣ глагола *разбить*. Старуха предалась отчаянію. Едва могли уговорить одного изъ погонщиковъ уступить ей своего осла, по крайней мѣрѣ до первой партіи товаровъ, съ которыми она уже кой-какъ попелася бы впередъ *). Все наконецъ уладилось. Переѣхали потокъ съ двумя аркадами древнихъ (не очень) водопроводовъ, и поднимаемся въ горы. Справа видится и, по мѣрѣ нашего возвышенія, все низится печальная гора Сорокодневная. На лѣво стоитъ конусомъ другая гора, поражающая своею высотой, и въ тоже время недостающая вѣроятно и четверти высоты хребта, на которомъ стоитъ Іерусалимъ. Часа два сълишкомъ мы поднимались до Хана, и постоянно объѣзжали при этомъ нашихъ пѣшеходовъ и пѣшеходицъ, рассыпавшихся по всему протяженію дороги. Въ одномъ мѣстѣ на довольно крутомъ подъемѣ мы остановились передъ скученною толпою. Прежде всего меня поразила фигура неподвижно лежащаго на землѣ поклонника съ полузакрытыми глазами. Я подумалъ, что съ нимъ тоже случился «солнечный ударъ» и что о немъ идетъ дѣло. Въ толпѣ между тѣмъ произносилось слово: *убили*. Гдѣ, кого убили? спросилъ докторъ нетерпѣливо. Ему указали на женщину. Та сидѣла и смотрѣла на насъ. Лице ее все было покрыто запекшеюся кровію, и представляло страшное зрѣлище. Пошли допросы, общій выводъ изъ коихъ былъ тотъ, что поклоннику прибилъ арабъ, хозяинъ осла, на которомъ она сидѣла, требовавшій, чтобы она непременно продолжала

*) Въ тотъ же день вмѣстѣ съ другими пришла пѣшая въ Іерусалимъ.

ѣхать на его животномъ, тогда какъ она упорно отказывалась отъ того... Опять нѣчто странное, подумалъ я. Скорѣе арабъ-погонщикъ порадовался бы тому, что женщина сошла съ его бѣдной животины. Рѣшиться же избить ее, и такъ страшно, изъ за этого самаго — просто непостижимо! Арабъ съ осломъ былъ далеко впереди. Кавасу отдано было приказаніе нагнать разбойника и задержать. Освѣдомившись, что пострадавшая не получила никакой опасной раны, и можетъ продолжать путь вмѣстѣ съ другими, мы оставили толпу и пустились догонять ту партію, къ которой принадлежала она. Медикъ летѣлъ впереди всѣхъ, старая нетерпѣніемъ снять допросъ (онъ же и драгоманъ Мисси) съ безчеловѣчнаго единоплеменника. Черезъ полчаса только намъ удалось залучить въ свои руки преступника. То былъ почти мальчикъ, простоватый и щедушный. Онъ шелъ вмѣстѣ съ партіей поклонницъ. Я ожидалъ, что увижу какую нибудь новую печальную сцену между нимъ и драгоманомъ. Между тѣмъ, первыя слова, которыя мы слышали, подѣхавши, были: «я буду жаловаться архимандриту. Вы не смѣете меня называть лгуньей. Я монахиня» и пр. Совѣмъ новая исторія! Оказалось, что драгоманъ дѣйствительно напалъ сперва на погонщика, и грозилъ предать его суду за побой, причиненные поклонницѣ. Арабъ клялся и божился, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, увѣрялъ, что женщина та упала съ осла, черезъ голову его, прямо на камни лицомъ, что онъ просилъ ее сѣсть опять на животное, но она, разсердившись, не хотѣла и осталась назади. Въ подтвержденіе всего этого онъ ссылался на другую поклонницу, ѣхавшую на другомъ изъ его ословъ. Та подтвердила слова погонщика. Драгоманъ, имѣя въ виду первыя свѣдѣнія о

дѣлѣ, замѣтилъ свидѣтельница, что это неправда. И вышла такимъ образомъ новая исторія *мунь*. Разгнѣванная монахиня также не хотѣла болѣе садиться на своего осла. Ее просили успокоиться, замѣтивъ, что для разбора случившагося есть еще и время и мѣсто, что тутъ оказывается разногласіе въ показаніяхъ, и что, во всякомъ случаѣ, между нареканіемъ во лжи и рѣшеніемъ идти пѣшкомъ нѣтъ ничего общаго. Но обиженная уперлась и пошла пѣшкомъ, а мы отправились впередъ, все таки не дознавшись хорошо, что именно случилось съ «убитою» поклонницей.

Часамъ къ 3-мъ мы достигли Хана, гдѣ и остановились частію для отдыха, частію для утоленія голода. Всѣ, описывавшіе Палестину, согласно утверждаютъ, что это именно мѣсто называлось въ древности словомъ: *Крови* (адоммимъ), и догадываются при семъ, что красный цвѣтъ передовой скалы, что со стороны Иерусалима, далъ страшное названіе мѣсту. Но что и кровь тутъ лилась когда-нибудь въ предварившій то имя, періодъ хананейской исторіи, въ томъ легко убѣдиться, взглянувъ только на мѣстность. На самой высшей точкѣ подъема къ гостинницѣ вышелъ не глубокій, но узкій проваль, гдѣ достаточно двухъ-трехъ злодѣевъ, чтобы пролилась кровь сотни жертвъ. Безъ сомнѣнія это-то мѣстное обстоятельство и указало надобность сперва въ укрѣпленной гостинницѣ, а потомъ и прямо въ крѣпости. При свѣтѣ дня, въ угрожающей численности и притомъ еще подъ прямою охраною, намъ весело было сидѣть на развалинахъ, утѣшаться видами зеленыхъ удолій, и любоваться на вереницу тянувшагося мимо народа. Но одному, безоружному, въ зловѣщій мракъ ночи, ничто другое, думаю, не придетъ здѣсь такъ скоро на мысль, какъ кровь.

А все же это—дорога Господня. По ней несомнѣнно если не ходилъ *Онъ* часто, то шелъ въ послѣдній разъ въ Иерусалимъ, и—опять же на кровь и муку насильственной смерти. На пути семъ послѣднемъ, гдѣ-то между Иерихономъ и Виваніей, судя по Евангелію отъ Луки, Онъ произнесъ грозную притчу о *человѣкѣ нѣкоемъ добрарода*, раздавшемъ рабамъ своимъ деньги для дѣянія купки на время его отсутствія... И эта притча оканчивается словами: *приведите сѣмо, и изспытайте предо Мною!* Не радостный путь сей. Случай со *впадшимъ въ разбойники* только ярче выставляетъ его мрачную и погибельную сторону. До сихъ поръ, не знаю, кто пускается въ него съ спокойнымъ духомъ и радостнымъ сердцемъ, хотя съ одной стороны его вѣнчаетъ Иерусалимъ, а съ другой — Иорданъ? Единственное можетъ быть исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ наши безстрашные и безпечальные поклонники, для которыхъ Иорданъ... но что говорить? Уже довольно сказано. Вонъ они растянулись, другъ за дружкой, до самыхъ высотъ Виваніи. Ничего не боятся и ни о чемъ не думаютъ! Палящій жаръ и непрерывный подъемъ заставляютъ ихъ, хотя — нехотя, остановиться на мѣстѣ доброй памяти милосердаго *Самарянина*. Услужливые пастухи черпаютъ имъ изъ систерны кожаными мѣшками сорную и вонючую воду. За это кто дастъ имъ *полкопѣчки* (монета въ 5 паръ) или *грошикъ*, а кто довольствуется и однимъ пожеланіемъ родимому, чтобы его спасъ Христось, а родимый-то магометанинъ! Простота любезная! Можетъ быть ради тебя Христось и спасетъ невѣрующаго. Получилъ же тутъ слово хвалы Его Самарянинъ, хотя прямое право на него имѣли Левитъ и Священникъ.

Отдохнувши, мы отправились впередъ. Пользуясь хоро-

шею дорогою, ѣхали теперь быстрѣе прежняго. Да и жаръ началъ спадать. Значительная часть склона переднихъ горъ уже покрылась тѣнью. Поравнялись опять съ партіей, въ которой шла изувѣченная женщина. Я спросилъ ее, не болитъ ли у нея голова? — Болить. Какъ не болѣть? Да что будешь дѣлать? — Отвѣчала она. — Чтожь ты упала что-ли съ осла-то? — Упала, батюшко, упала. — А арабъ-то, значить, не билъ тебя? — Не билъ то, не билъ, да все садилъ на гадину-то свою. Ужь я ему и бахшишь давала, только отвяжись, такъ нѣтъ, все садить. — И такъ изъ: *упала* вышло: *убили!*... О руть, повторилъ я опять. А вотъ кстати и *не-лгунья* преспокойно ѣдетъ на ослѣ своемъ!... Оказывается, что время дѣйствительно врачъ, а нужда, прибавимъ, аптекарь... Когда мы доѣхали до *источника Апостоловъ*, начало уже смеркаться. И тамъ мы нашли чело-вѣкъ 6 поклонниковъ. Подъѣзжая къ Виѳаніи, встрѣтили еще двухъ поконницъ, сидѣвшихъ на камняхъ и спрашивавшихъ насъ, есть ли кто позади ихъ, чтобы имъ не остаться тутъ однимъ, тогда какъ, видимое дѣло, онѣ были изъ самыхъ первыхъ. Такой вопросъ показываетъ, что онѣ весь день шли однѣ. Это просто было уже, какъ говорится, изъ рукъ вонъ! Обогнувъ Элеонскую гору, мы стали лицомъ къ лицу съ Иерусалимомъ, тускло освѣщеннымъ луной и горѣвшимъ множествомъ огней отъ двойнаго праздника: магометанскаго рамазана и еврейской субботы. И все мы продолжали обгонять поклонниковъ до самыхъ воротъ своихъ «Построевъ», за которые переступили въ 7 часовъ вечера.

Подъ живыми впечатлѣніями совершенной поѣздки не нахожу болѣе ничего сказать, кромѣ слова благодаренія Богу

за благополучно исполненное намѣреніе. Читатель самъ видитъ изъ немногихъ строкъ этихъ, о чемъ всего болѣе слѣдуетъ поговорить и подумать «русскому человѣку». Пятистамъ безоружныхъ пѣшеходцевъ въ чужомъ, дикомъ и завѣрное — опасномъ мѣстѣ растянуться на 15—20 верстъ, — разумно ли это, и даже мыслимо ли въ кругу разумныхъ?... Конному уѣхать отъ пѣшаго, молодому оставить стараго, недужному рѣшаться на трехдневный переходъ, уставшему и разгоряченному купаться, въ палящей пустынѣ напиться до безчувствія... Что это такое? Какъ это назвать если не по-человѣчески, то «по-русски?» И за всеѣмъ симъ, опять: благодареніе Богу за то, что... не хуже!

П. Г. П—ни.

Иерусалимъ, 8 Января 1867 года.

А вотъ и *хуже*. Сейчасъ я освѣдомился, что вчера привели на Постройки одну отставшую поклонницу, страшно изувѣченную какимъ то злодѣемъ по близости Іордана. Она и двѣ товарки нарочно остались отъ каравана, чтобы на просторѣ покупаться въ священной рѣкѣ. Затѣмъ потеряли дорогу, и попали на то, о чемъ прежде всего слѣдовало подумать... Увидѣвъ бѣду, двѣ изъ нихъ пустились бѣжать, куда глаза глядятъ, оставивши третью одну бороться съ разбойникомъ. А не бѣжи онѣ, онѣ втроемъ могли бы задушить злодѣя, вооруженнаго, какъ говорятъ, одною только палкой, какъ онѣ потомъ душилъ несчастную жертву.



СЛОВО

на день возшествія на престоль Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, произнесенное въ херсонскомъ Успенскомъ соборѣ, преосвященнымъ Софоніею, епископомъ новомиргородскимъ.

Нынѣшній день есть одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и священныхъ для насъ, братія! Дни возшествія на престоль Государей и вообще для всѣхъ важны и поучительны. Это суть дни, въ кои невидимый персть Божій видимо являетъ свое промыслительное дѣйствіе о земнородныхъ. Это суть дни, въ кои вседержавный Царь міровъ нисходитъ, такъ-сказать, отъ высоты небесъ въ юдоль земную, раскрываетъ свитоги своихъ опредѣлений о царствахъ и народахъ, и владычественно указываетъ Того, коего избралъ Онъ принять жребій царственнаго служенія. И вотъ, почему такого рода дни не только памятуются въ народныхъ лѣтописяхъ, какъ историческія эпохи, раздѣляющія преемственныя служенія Царей въ своихъ державахъ, но и освящаются особенными празднествами Церкви и Отечества, какъ памятники благоволенія Божія къ народамъ богохранимымъ.

Съ этою цѣлію и нынѣ святая церковь созвала насъ

къ подножію алтарей Бога отцевъ нашихъ. Она созвала насъ для того, чтобы боголѣпнымъ торжествомъ освятить день, въ который Благочестивѣйшій Государь нашъ, Императоръ Александръ Николаевичъ, за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, вступилъ въ праотеческое наслѣдіе державы Русской; — созвала насъ, чтобы предъ престоломъ благодати всѣмъ намъ единодушно воспѣть пѣснь благодаренія Богу вышнему, и излить предъ Нимъ молитвы и моленія о вѣнценосномъ виновникѣ торжества, да дастъ Ему Господь силу, здравіе и благоденствіе, и да укрѣпитъ въ десницѣ Его скиптръ самодержавія на благо св. православной Руси.

Но примѣчаете ли, брат., что и среди гласа радованія и мольбы къ Зиждителю судебъ человѣческихъ, она же, св. Церковь возводитъ, по временамъ, мысленный взоръ нашъ къ тѣмъ обѣтамъ, которые мы когда то давали предъ лицемъ Царя небеснаго въ вѣрности къ Царю земному, — къ тѣмъ обязанностямъ, которыя лежатъ на насъ неотмѣнно, по отношенію къ верховной власти. Итакъ, возсылая благодареніе Богу Вседержителю, приникнемъ благодарною мыслию и къ тому священному долгу, который лежитъ на насъ по отношенію къ Царю Державному, — вспомняемъ, чѣмъ мы съ своей стороны обязаны благочестивому Вѣнценосцу нашему, дабы Его мудрое царствованіе было для насъ спасительно и благотворно.

Не правда ли, братія, что всякая земная власть и всякое начальство возлагаемое въ обществахъ на мужей избранныхъ, требуютъ отъ подвластныхъ подобающей почести и уваженія, и что чѣмъ эта власть выше въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ, тѣмъ она священнѣе и досточтимѣе? Что же такое Царь? Царь, по выраженію Слова Божія, есть пре-

обладая (1 Петр. 2, 13), т. е. владыка верховный, а слѣдственно и честь ему принадлежащая должна быть самая высшая, и уваженіе — самое искреннее и глубокое, соединенное съ сыновнимъ страхомъ. И это есть первое, чѣмъ мы обязаны самодержавнымъ вѣнценосцамъ. Сего требуетъ отъ насъ и святость власти ихъ и величіе сана.

Св. откровеніе усвояетъ всѣмъ властямъ земнымъ начало и происхожденіе небесное (Рим. 13, 1); но съ особенною силою утверждаетъ это о власти царевой. Власть цареву не только производитъ оно по преимуществу отъ неба; но и представляетъ ее наилучшимъ отображеніемъ во вселенной силы и власти Бога Вседержителя. Первое, и въ собственномъ смыслѣ самодержавіе принадлежитъ Богу. Богъ есть вѣчный и всемогущій самодержецъ (Дан. 4, 31.). Первые слуги и чтители самодержавной власти Божіей суть ангелы, коихъ и самихъ всеверховный Владыка облекъ властію, соразмѣрно ихъ силѣ и дѣйствованію, учредилъ среди ихъ начала и господствія и подчинилъ ихъ, одни другимъ, а всѣхъ своей безпредѣльной державѣ. Устроая начала и власти между человѣками, тотъ-же премудрый Царь ангеловъ и человѣковъ, устроилъ ихъ и на землѣ, по образу чиноначалія небеснаго. Земныя власти и начала также подчиняются однѣ другимъ, а всѣ совокупно самодержавію Царя, который одинъ, неподлежа никакому высшему началу на землѣ (Евкл. 8, 4), находится въ непосредственной зависимости отъ Бога. Посему-то Слово Божіе и поставляетъ царей, какъ верховныхъ владыкъ земныхъ, въ особеннѣйшей близости къ Богу, утверждая, что самъ Онъ избираетъ (Прем. 9, 7) и возводитъ ихъ на престолы (Дан. 2, 21; 5, 21), Самъ даетъ имъ силу и державу (Прем. 6, 3),

Самъ управляетъ ихъ волею, содѣржа сердца ихъ въ Своей десницѣ: *сердце царево въ руку Божию, и аможе восхощетъ, уклонитъ е* (Притч. 3, 5).

Но чтобы еще разительнѣе представить, въ какой близости къ Богу находятся цари земные, и слѣдственно, какъ высока, какъ священна власть ихъ, и какое величїе подобаетъ сану ихъ, св. откровенїе изображаетъ ихъ особами неприкосновенными, богопомазанными, *сынами Вышняго* (Псал. 81, 6), а наконецъ, какъ-бы недовольствуясь симъ, изъемлетъ ихъ изъ круга обыкновенныхъ смертныхъ и возноситъ до степени Божества: *Азъ рыхъ*, говоритъ Самъ Богъ сонму царей земныхъ, *Азъ рыхъ: Бози есте* (Псал. 81, 6).

Нѣтъ нужды пояснять здѣсь, въ какомъ смыслѣ такъ именуется благочестивыхъ Государей Слово Божїе. Цѣль подобныхъ превознесенїй понятна. Она состоитъ въ томъ, чтобы изобразить предъ нами, чѣмъ долженъ быть для подданныхъ богоизбранный Царь, — этотъ *первенецъ* Божїй между земнородными (Псал. 88, 28), этотъ причастникъ сугубой благодати, этотъ державный архистратигъ земныхъ племенъ и народовъ. О братїя! Самая мысль во мнѣ, какъ бы содрогается, когда я представляю, какъ священъ для вѣрноподанныхъ Царь боговѣнчанный! Да, Онъ сугубо освященъ! Священъ, какъ нѣкое святилище, въ которомъ провѣщаются глаголы Вѣчнаго и Всемогущаго! Священъ и неприкосновенъ, какъ небожественный Синай, на которомъ пишутся для земнородныхъ милость, судъ и правда, и къ которому *всякъ прикоснувыйся смертію умретъ* (Исх. 19, 12)!

Но для чего Слово Божїе, такъ изображаетъ предъ нами величїе и святость предержавшей власти царицей? Не для того ли, чтобы мы, по Апостолу, *чтя царей*

(1 Петр. 2, 12), какъ *сыновѣ Вышняго* тѣмъ непрекословнѣе повиновались священной волѣ ихъ? Конечно такъ. Вѣра въ Бога и вѣрность къ Царю суть два начала, на коихъ зиждется общественное благосостояніе, и которыя, одно безъ другаго не дѣйствительны, мертвы, не мыслимы. Тоже Евангеліе, которое требуетъ вѣры въ Господа Иисуса, какъ перваго условія ко спасенію, требуетъ и повиновенія Царямъ, какъ вѣрнаго залога благоденственной жизни. Римскіе кесари были государи языческіе. *Слово крестное*, — эта небесная мудрость, эта *сила Божія* для *спасаемыхъ*, — казалось имъ *юрдствомъ* (1 Кор. 1, 18). За всѣмъ тѣмъ, св. Апостолы строго заповѣдовали повиноваться имъ, какъ владыкамъ верховнымъ, не во избѣжаніе только ихъ гнѣва и наказанія, но за совѣсть и по сознанію долга: *повинитесь всякому чловѣчу начальству, Господа ради: аще Царю, яко преобладающе* (1 Петр. 2, 13), — *повинитесь не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Рим. 13, 5).

Что же сказать о вѣнценосцахъ христіанскихъ? И не тѣмъ ли наче мы, — сыны царства православнаго, обязуемся непрекословнымъ повиновеніемъ богоправимой волѣ Царей нашихъ? Христіанскіе Монархи суть величайшіе благодѣтели ввѣренныхъ имъ народовъ. Я не говорю, что благочестивые Государи всею державною волею своею стремятся къ утвержденію общественнаго благоденствія, къ удовлетворенію всѣмъ нуждамъ и потребностямъ народа, къ водворенію повсюду порядка, довольства, мира и безмятежія. Всѣ эти блага — вождѣльны; но онѣ — земныя и временныя. Господь даруетъ намъ ихъ только въ большее побужденіе къ стяжанію благъ высшихъ. Для насъ недовлѣетъ быть счастливыми гражданами на землѣ; намъ предназначено

быть гражданами на небѣ, — въ Иерусалимѣ горнемъ. Итакъ главная цѣль христіанскихъ Монарховъ — распространить спасеніе Божіе по-средѣ земли; главное стремленіе — водворить въ предѣлахъ царствъ своихъ св. царство вѣры и благочестія; главный долгъ — вселить духъ Христовъ въ сердца подданныхъ, и сдѣлать его единственнымъ началомъ всѣхъ мыслей и чувствованій, всѣхъ стремленій и дѣйствій во всѣхъ званіяхъ общества. Вотъ, вѣнецъ славы и величія Царей христіанскихъ? Вотъ, благо, выше котораго цари не могутъ сдѣлать для подданныхъ, и болѣе котораго подданные не должны отъ царей требовать! Въ семъ отношеніи христіанскіе Монархи попреимуществу суть *служители Божіи* (Рим. 13, 6) въ благодатномъ царствѣ Христовомъ. Для того-то Духъ Божій и исполняетъ ихъ дарами своя благостыни сугубо. Для того-то и облакаются они правами самодержавными, — правами, которыя не потому неограниченны, что преданность подданныхъ не хочетъ и не дерзаетъ полагать предѣловъ своего повиновенія волѣ Царей, но потому, что Богъ хочетъ и требуетъ отъ подданныхъ повиновенія Царямъ неограниченнаго. Не случай произвелъ самодержавіе Монарховъ, не люди измыслили и уложили права ихъ по произволу; основаніе правъ царскихъ глубоко сокрыто въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ. Самъ Богъ искони предуставилъ ихъ во благо челоуѣчества; самъ Богъ изглаголалъ ихъ, освятилъ и запечатлѣлъ прежде, чѣмъ явился на землѣ первый Царь богопомазанный (1 Царс. 8, 7 — 17).

Послѣ сего, пререкать самодержавной волѣ царевой, посягать на ограниченіе священныхъ правъ, коими Вышній облакаетъ началовождей народныхъ, не значить ли заявлять

духъ продерзый и хульный противу самого Бога и Его творческихъ уставовъ? Не значить ли повторять бсзумныя попытки Даановъ и Авироновъ, коихъ имена запечатлѣны вѣчнымъ позоромъ, а память проклятиемъ?

Вотъ, почему, брат., самодержавное отечество наше, основываясь на св. скрижали Откровенія, неуклонно шествуетъ по стопамъ благочестивыхъ и царелюбивыхъ предковъ своихъ! Вотъ, почему оно въ искреннемъ и безграничномъ повиновеніи своимъ богоизбраннымъ Государямъ поставляетъ не только свое счастье и величіе, но и свою честь и славу. И подлинно, честь тебѣ и слава, Христолюбивая Россія, что ты свято вѣруешь въ завѣтное преданіе отцевъ твоихъ, что если кто, то благочестивый, Боговѣнчанный Монархъ православный по преимуществу есть видимый отобразъ Бога невидимаго, Царя царей, вседержавнаго и безпредѣльнаго. Аминь.

О НЕСОГЛАСИИ ЦЕРКВИ АРМЯНСКОЙ СЪ ВОСТОЧНОЮ ПРАВОСЛАВНОЮ.

(Продолженіе.)

Мы коснулись переговоровъ, которые велъ Императоръ Мануиль съ католикосами Нерсесомъ IV и Григорисомъ IV. Какъ оба названные католикоса гораздо расположеннѣе были къ воссоединенію съ вселенскимъ православіемъ, и подвизались въ видахъ сего воссоединенія гораздо энергичнѣе, чѣмъ всѣ ихъ предмѣстники: то и переговоры ихъ съ Мануиломъ очень замѣчательны. Но они уже изданы по гречески и по латынѣ въ книгѣ «древнихъ писателей» (*Bibliotheca veterum Scriptorum*) и потомъ дополнены въ Римѣ кардиналомъ Маианжелю. Нѣкоторыя изъ этихъ дополненій не лишены интереса, и особенно къ числу таковыхъ принадлежитъ окружное посланіе Нерсеса Благонамѣреннаго. Что же касается до собесѣдованій Лизіана магистра съ католикосомъ Нерсесомъ: то онѣ, къ сожалѣнію, остались ненапечатанными, ни въ упомянутомъ изданіи, ни послѣ. Между тѣмъ, онѣ, при безпристрастномъ пересмотрѣ и выпускѣ, могли бы объяснить весь ходъ этого дѣла съ начала до конца. Имѣя это въ виду, неизлишнимъ находимъ помѣстить ихъ здѣсь въ возможной краткости, тѣмъ паче что по связи и порядку предметовъ записки, означенныя собесѣдованія близки къ ней.

По предложенію Григориса Ш., родный братъ его Нерсесъ Благонамѣренный, будучи еще Епископомъ, взялъ на себя примирить Армянскаго Царя Өора или Өеодора съ братомъ его Ошиномъ, а) княземъ Ламбронскимъ. Главною причиною раздора между братьями послужило то, что Ошинъ нехотѣлъ признать надъ собою царемъ брата своего, считая болѣе выгоднымъ для себя быть въ зависимости отъ Императора Мануила. Достигнувъ города Мопсуеста, б) Нерсесъ встрѣтилъ тамъ Протостратора (главнаго начальника надъ императорскою конницею) Алексія, зятя, по племянницѣ, Императора Мануила. Алексій просилъ у Нерсеса писменнаго изложенія о тѣхъ разногласіяхъ въ догматахъ и обрядахъ, которыя находились между церквами Армянскою и Константинопольскою, и именно: о двухъ естествахъ во Христѣ, о трисвятой пѣсни, о празднованіи Рождества Христова въ одинъ и тотъ же день съ Богоявленіемъ, объ опреснокахъ и не раствореніи вина водою въ потирѣ, о вареніи мѹра изъ Сисамскаго или Бонжутнаго масла и о праздникахъ нетождественныхъ съ Православными. Получивъ это изло-

а) Ошинъ былъ зять Нерсесу, по братней племянницѣ, и управлялъ Киликійскими областями, прилегавшими къ горамъ Таврическимъ, а Өеодоръ былъ правителемъ собственно Фригіи и всѣхъ другихъ, соединенныхъ съ нею, областей; къ нимъ причислялась и Биликія.

б) Городъ, въ которомъ Нерсесъ встрѣтился съ Протостраторомъ Алексіемъ, въ *историческихъ запискахъ* Г. Худобашева названъ *Маместіею*. Но Маместія принадлежала къ Биликіи первой и находилась между Средиземнымъ моремъ и восточною частью Таврическаго хребта, при рѣкѣ Пирамѣ, на Юговостокъ отъ Тарса; тогда какъ Императорскій Протостраторъ посланъ былъ въ Биликію вторую, въ коей Мопсуестъ былъ однимъ изъ главныхъ городовъ.

женіе отъ Нерсеса, по всѣмъ означеннымъ пунктамъ, и потомъ возвратившись въ Византію, Алексій передалъ его Императору. Мануиль прочитавъ объясненіе, тотчасъ же рѣшился примирить Армянскую церковь съ Православною, на каковой конецъ, изложивъ свое желаніе предъ католикосомъ Григорисомъ Ш., просилъ его, въ концѣ письма, немедленно прислать Нерсеса для переговоровъ о мирѣ и соединеніи; это было въ 1166 году.

Но посланіе Императора пришло, когда Григориса уже не было въ живыхъ, и когда престолъ католикоса занималъ братъ покойнаго, Нерсесь. Новый Католикосъ, въ отвѣтъ на Императорское посланіе, вторично изложилъ тоже самое, что и прежде (черезъ Протостратора Алексія), въ выраженіяхъ болѣе или менѣе согласныхъ съ православіемъ, но не совсѣмъ въ духѣ исповѣданія православнаго: ибо о догматѣ воплощенія Нерсесь выражался, придерживаясь неправильнаго вѣрованія Армянъ. Это еще болѣе возбудило и воспламенило ревность въ благочестивомъ царѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что для непосредственнаго разсужденія съ католикосомъ о правотѣ догмата, онъ отправилъ магистра Лизіана, а по постриженіи въ монашество, Θεоріана, какъ знаменитѣйшаго, въ то время, по своему внутреннему и виѣшнему образованію. Спутникомъ и переводчикомъ Θεоріану данъ былъ одинъ Армянскій монахъ, по имени Утманъ,^{а)} знавшій греческій языкъ и вызванный изъ Иверскаго монастыря, который построенъ былъ въ Филиппополѣ маги-

а) Спутникъ Θεоріана назывался не Утманомъ, а Іоанномъ; Утманъ, — его фамилія. Притомъ же онъ былъ не простой монахъ, а настоятель Филиппопольскаго Армянскаго монастыря.

стромъ изъ Армянъ, Григорисомъ ^{а)}. Прибывъ въ Румъ-Кале, городъ Каликіи, (Ѳеоріанъ называетъ его *κουλά-гула*) и нашедши тамъ католикоса Нерсеса съ достаточнымъ при немъ соборомъ, состоявшимъ изъ армянскихъ и сирійскихъ епископомъ и учителей, Ѳеоріанъ и Утманъ вручили ему царское посланіе, присовокупивъ словесно, что Императоръ, вполне постигая цѣну взаимнаго мира и единенія, очень желаетъ, чтобы католикосъ и соборъ, устранили препятствіе къ примиренію съ святою Каѳолическою, и Апостольскою церковью.

Ѳеоріанъ хорошо зналъ главнѣйшія причины раздѣленія; и потому въ основаніе своихъ собесѣдаваній положилъ онъ письмо Нерсеса къ Императору, и началъ съ догмата, отвергаемаго армянами о двухъ естествахъ во Христѣ. Въ упомянутомъ письмѣ Нерсесъ выражался такъ: «мы говоримъ, что одно естество во Христѣ, не сливая, какъ Евтихій и не раздѣляя, какъ Аполлинарій, но выражаясь словами святаго Кирилла Александрійскаго, въ книгѣ его противу Несторія: *едино есть естество Слова воплощенное.*» На эти слова Ѳеоріанъ возразилъ, что приведенное изрѣченіе святаго Кирилла о единомъ ествѣ во Христѣ, ни сколько не поддерживаетъ мнѣнія Армянъ: ибо оно имѣетъ отношеніе къ словамъ Евангелія: *Слово плоть бысть*, и означаетъ

а) Григорисъ былъ родомъ армянинъ, но состоялъ въ службѣ Византійскихъ императоровъ и достигъ степени государственнаго магистра, каковымъ былъ и Лизіанъ. Изъ уваженія къ его заслугамъ, дозволено было ему выстроить монастырь подъ именемъ Иверскаго, или Грузинскаго, но такъ, чтобы богослуженіе въ немъ совершалось на языкѣ армянскомъ. Это послужило причиною, что монастырь сей у писателей армянскихъ называется Армянскимъ, а у писателей греческихъ — Иверскимъ.

только то, что естество Христа и естество Слова воплощеннаго — одно и то же. Имя Христосъ не означаетъ ни Бога отдѣльно ни человѣка, а въ совокупности то и другое, Бога вмѣстѣ и человѣка. Посему-то и не сказано: *Христосъ*, а: *Слово плоть бысть*. И мы исповѣдуемъ два естества, совокупившіяся одно съ другимъ во едино, несліянно и непреложно; но «плоть есть плоть, а не божество, хотя и сдѣлалась плотію Бога; Слово есть Богъ, а не плоть, хотя и приняло воплощеніе домостроительно (*κατ' οἰκονομίαν*).» а).

Послѣ нѣкоторыхъ новыхъ вопросовъ, предложенныхъ Католикосомъ о двухъ естествахъ во Христѣ и отвѣтовъ на нихъ Θεоріана, съ приведеніемъ на то свидѣтельствъ изъ Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Аѳанасія и особенно Кирилла, такъ уважаемаго Армянами, разсуждаемо было о томъ, что такое сущность, и что естество, что чюпстась и что лице (касательно сихъ послѣднихъ предметовъ Католикось былъ согласенъ съ отцами, принимая сущность и естество въ понятіи общности (*γενικόν*), а лице и чюпстась, какъ нѣчто частное (*μερικόν*). За тѣмъ Θεоріанъ пояснилъ предъ Католикосомъ и его Епископами, что въ православномъ догматѣ Халкидонскаго четвертаго Собора, опредѣлившаго, что «одинъ и тотъ же Христосъ, Сынъ, Господь, Единородный, въ двухъ естествахъ неслитно, непреложно, неизмѣнно и не раздѣльно познаваемый», б) рѣшительно нѣтъ ничего общаго съ еретическимъ буюсловіемъ Несторія, говорящаго,

а) Послѣднія слова взяты изъ втораго посланія Св. Кирилла къ Епископу Сугѣнсу.

б) Это подлинныя слова догмата или вѣроученія, составленнаго на Халкидонскомъ соборѣ.

что два естества (во Христѣ) раздѣльны и не соединены въ одно лице. На это Католикось возразилъ, что «говорить, двѣ природы, значитъ, вводить дѣленіе, и что онъ поэтому страшится, чтобы армянамъ, избѣгающимъ заблужденія Евтихія, утверждавшаго одно естество, не впасть въ пропастъ Несторія, приводящаго два естества и два лица». Θεоріанъ отвѣтилъ на это яснѣе, и ссылаясь на слова самаго Кирилла въ посланіи къ Евлогію, ^{а)} сказалъ: Несторій хотя и говоритъ два естества, означая тѣмъ различіе плоти и Бога — Слова (ибо иное есть естество Слова, и иное — плоти, но онъ еще исповѣдуетъ въ Немъ единства, тогда какъ мы соединяя сіи естества, исповѣдуемъ единого Христа, единого Сына, единого Господа, и *едино естество Слово воплощенное* ^{б)} Во святой Тройцѣ мы исповѣдуемъ одно естество, но не одну ипостась; во Христѣ же одну ипостась, но не одно естество; и обратно: тамъ одно естество и три ипостаси, а здѣсь одна ипостась и два естества: такъ какъ естество принимается въ понятіи родовомъ и общемъ, и не можетъ обособиться

а) Подобныя слова св. Кирилла находятся во многихъ посланіяхъ его и къ другимъ лицамъ, какъ то: къ Іоанну Сукенсу и къ самому Несторію. Въ послѣднему писалъ св. Кириллъ: «мы не говоримъ, что естество Слова измѣнившись стало плотію, ни того, что оно преложилось въ цѣлаго человѣка, состоящаго изъ души и тѣла: но говоримъ, что Слово, соединивъ съ собою, въ единствѣ лица тѣло одушевленное разумною душою, стало человѣкомъ, и что естества истинно соединенныя между собою, хотя различны, но въ соединеніи обоихъ сихъ естествъ есть одинъ Христосъ и Сынъ (Послан. второе дѣян. Всел. Собор. томъ 1 1859 стр. 330).

б) Доселѣ, — подлинныя слова Кирилла, взятыя изъ посланія къ Евлогію; а далѣе Θεоріанъ дѣлаетъ только выводъ изъ ученія св. Кирилла, находящагося въ разныхъ посланіяхъ, и особенно въ томъ же по-

(перейти въ свойство частное), а Христось не есть что либо родовое или же общее, потому что онъ есть одной вѣпостаси, одного лица не дѣлимаго, и потому что нѣтъ другихъ Христовъ изъ божества и челоуѣчества, по коимъ бы можно было судить о немъ.»

Но кромѣ того, продолжалъ Теоріанъ, что все это есть прямое ученіе св. Кирилла, тоже самое открывается изъ ученія и другихъ святыхъ Отцевъ. Такъ, святой Амвросій Медиоланскій въ словѣ на Апполлинарія говоритъ: «явились другіе, утверждающіе, что плоть и божество Господа — единого естества: какой адъ извергнулъ такую хулу?» Григорій Нисскій, въ словѣ противу того же Апполлинарія:

сланіи къ Евлогію, которое въ подлинникѣ продолжается такъ: «Ересей, совершенно (*ἐκ διαμέτρου*) противоположныхъ одна другой—четыре; двѣ изъ нихъ относятся къ божеству, и двѣ—къ челоуѣчеству. Божеству Савеллій приписывалъ одно естество и одну вѣпостась; а Аріій—три вѣпостаси и три естества разнородныя. Мы же ни трехъ (лицъ) не сливаемъ во едино, чтобы не болѣть недугомъ Савелія, ни (одного естества) не раздѣляемъ на три разнородныя и одно другому чуждыя, чтобы не сумазбродствовать, какъ Аріій; но проповѣдуемъ едино естество въ трехъ вѣпостасяхъ. Такимъ же образомъ, и относительно вочелоуѣченія Бога—Слова, совершенно противное одинъ другому, утверждали Несторій и Евтихій. Несторій признавалъ два естества раздѣльныя, два лица, двухъ Христовъ и двухъ сыновъ; а Евтихій—одно естество и одну вѣпостась. Но мы (исповѣдуемъ) одну вѣпостась, одного Христа, одного Сына въ двухъ (естествахъ) совершенныхъ, т. е. въ божествѣ и челоуѣествѣ, соединенныхъ неслитно и не раздѣльно. И такъ, еще повторяю, ходи путемъ среднимъ и царскимъ, какъ говоритъ Григорій Богословъ; а подь серединою я разумѣю истину, къ которой одной надобно стремиться) и не бойся числа двухъ. Ибо какъ въ божествѣ, признавая три вѣпостаси мы не допускаемъ (*ὄν ποιῶμεν*) чрезъ то дѣленія естества, такъ и въ воплощеніи, признавая два естества, не допускаемъ дѣленія вѣпостаси.

«такимъ образомъ, если въ противоположныхъ свойствахъ (*ιδίωμασι*) усматривается естество того и другаго изъ нихъ, тоестъ, плоти и божества: то какъ два могутъ быть одно?» Наконецъ и святой Златоустъ въ посланіи къ монаху Акакію говоритъ: «единого Сына лице, хотя познаваемое и не слитно и не раздѣльно, то есть, не во одномъ токмо ествѣ, но въ двухъ совершенныхъ: что скажешь ты на сіе»? И такъ поелику всѣми приведенными изрѣченіями Отцевъ рѣшительно возбраняется (выражаться, что Слово и плоть — одно естество): то дерзко было бы настаивать, и говорить: одно естество во Христѣ.»

Католикось, все еще сильно встревоженный словами святаго Кирилла, отвѣчалъ: «если бы сей божественный мужъ не хотѣлъ показать, что естество Слова и плоти составляютъ одно и послѣ соединенія, то не сказалъ бы: *едино естество Слова воплощенное*. Это изрѣченіе доселѣ колеблетъ мой умъ». Чтобы успокоить Католикоса, Теоріанъ присовокупилъ, что блаженный Кириллъ, говоря это, имѣлъ въ виду слова Афанасія великаго притиву Арія, пустословившаго, что два суть естества Слова, одно несотворенное, и тождественное по природѣ съ сущностью Отца, а другое сотворенное и имѣющее начало бытія. Это мнѣніе опровергая, Афанасій говоритъ: *одно естество воплощенное*, а не (два, изъ коихъ) одно не сотворенное и тождественное съ Богомъ Отцемъ, другое же сотворенное и чуждое (природы Божеской). Вотъ, что служило поводомъ для святаго Кирилла сказать: *едино естество Слова воплощенное!* «Это разъясненіе Теоріана такъ подѣйствовало на Католикоса, что онъ воскликнулъ: «теперь-то успокоился умъ мой, слыша слова великаго Афанасія; ибо теперь только я вижу и познаю начальную причину

словъ святаго Кирилла, коея доселѣ не вѣдалъ.» Вслѣдъ за симъ Іоаннъ, одинъ изъ Епископовъ сирійскихъ, подошедъ къ Католикосу, сталъ укорять его за то, что онъ повѣрилъ словамъ грековъ, держащихся мудрованія Несторія. Въ отвѣтъ на сіе Католикосъ сказалъ: «я не могъ бы повѣрить и не повѣрилъ бы ни грекамъ, ни патриарху Константинопольскому, ниже самому Императору, если бы не узналъ истины, и не убѣдился въ ней; но убѣдившись въ истинѣ не могу отвергать ее, точно также какъ и противорѣчить святымъ Отцамъ». О! какъ желательно, чтобы это признаніе и исповѣданіе католикоса Персеса, и нынѣ нашло между его соотечественниками ревнителѣй, во имя мира Христова и единомыслія церквей!!

Чтобы окончательно уничтожить всякое сомнѣніе, Θεоріанъ предложилъ, чтобы опредѣленіе вѣры Халкидонскаго Собора было прочтено, въ снесеніи съ ученіемъ святыхъ Отцевъ, бывшихъ до сего собора, изъ коихъ и было заимствовано буквально каждое слово сего опредѣленія. «Вы увидите, присоединилъ Θεоріанъ, что большая часть выражений заимствованы изъ блаженнаго Кирилла, коему вы, армяне, болѣе, чѣмъ другимъ изъ отцевъ, хотите слѣдовать.» Когда опредѣленіе было прочитано и найдено, что текстъ онаго греческій и армянскій тождественны: Католикосъ сказалъ Θεоріану: «прочитавъ это опредѣленіе, я ничего не нахожу въ немъ противнаго Православной вѣрѣ, и удивляюсь, какимъ образомъ предмѣстники наши такъ безстыдно клеветали на него и безъ суда осуждали. Теперь мнѣ думается, что, такъ какъ этотъ святой Соборъ составленъ былъ на разрушеніе многихъ ересей: то врагъ спасенія человѣческаго воздвигнулъ противу него многихъ клеветниковъ, какъ бы

въ отмщеніе за тѣ пораженія, которыя потерпѣлъ онъ въ самое сердце отъ сего Собора». — Такіе чистосердечные и благочестивые отзывы Нерсеса, быть можетъ, и не находятся въ армянскихъ рукописяхъ, но они засвидѣтельствованы самимъ Θεоріаномъ, который слышалъ ихъ собственными ушами, а также и другими — современниками, отмѣтившими ихъ въ своихъ дѣписаніяхъ. Если же кому изъ армянъ и это покажется сомнительнымъ, то для удостовѣренія себя пусть обратятся таковые къ самому изложенію вѣры, которое написано Нерсесомъ, и въ которомъ ^{а)} онъ открыто исповѣдуетъ два естества во Христѣ, въ одномъ лицѣ. А если вѣрилъ такъ Нерсесъ Клаенскій, Шноргали, то остается жалѣть, что разобщеніе и пагубный расколъ, между церквами

а) Но въ которомъ имянно? Нерсесомъ написаны три болѣе извѣстныхя изложенія, или исповѣданія вѣры; одно для Гайканскихъ церквей, другое — въ письмѣ къ греч. императору Мануилу около 1166—1170 года; третіе риемованное и состоящее изъ 1365 стиховъ (армян. книга Гизъ Іерди. стр. 241—321). Въ первомъ и послѣднемъ Нерсесъ невысказываетъ своей собственной мысли о двухъ естествахъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, а говоритъ только, что «оный Богъ совершенный, бысть человекъ совершенный, едино лице, единъ зракъ и соединенъ во единомъ ествѣ.» т. е. Нерсесъ въ своемъ изъясненіи *исповѣданія вѣры* уклонился отъ изложенія собственного мнѣнія относительно двухъ ествъ во Христѣ, а повторилъ только слова самаго *исповѣданія*. Объ изложеніи вѣры составленномъ Нерсесомъ для импер. Мануила, въ концѣ осмидесятыхъ годовъ XII столѣтія извѣстно, что Нерсесъ выражался въ немъ о воплощеніи тоже уклончиво, придерживаясь словъ св. Кирилла. И такъ, надобно полагать, что здѣсь разумѣется изложеніе вѣры или то, которое Нерсесъ писалъ къ Императору, въ первый разъ, изъ Мопсуестіи, чрезъ Протостратора, или же вѣрнѣе, то, которое приложено было имъ при тайномъ письмѣ къ Мануилу, чрезъ Θεоріана изъ Румъ-Калѣ.

Гайганскою и Вселенскою продолжается до нынѣ, по одному лишь упорству; — остается жалѣть тѣмъ паче, что это же мнѣніе о двухъ естествахъ признавали и исповѣдывали и другіе, какъ сказано выше, изъ католиковъ армянскихъ предшествовавшихъ Нерсесу, какъ то: Іоаннесъ философъ, (въ VІІІ. вѣкѣ), Григорисъ мучениколюбецъ, Григорисъ ІІІ. предмѣстникъ Нерсеса, и племянникъ мучениколюбца. Примѣчательно, что этотъ Григорисъ ІІІ. подтвердивъ сочиненіе, написанное Іоаннесомъ философомъ противу Монофизитовъ, о двухъ естествахъ, и приписку въ немъ Григориса мучениколюбца, написалъ въ концѣ книги «и я вѣрую такъ, какъ написалъ здѣсь святѣйшій католикосъ Іоаннесъ, и вѣрующихъ иначе, анаематствую.»

По разрѣшеніи такимъ образомъ сомнѣній, касательно догмата, о двухъ естествахъ во Христѣ, Теоріану не трудно было рѣшить вопросъ и о двухъ воляхъ, какъ называть ихъ, естественными или личными. Разъясняя это, Теоріанъ представилъ армянамъ, что если мы назовемъ сіи воли личными, то должны будемъ приписать Святой Троицѣ три воли по числу влостасей въ ней: но какъ въ ней воля одна: то значить, что она принадлежитъ къ божескому естеству, которое во всѣхъ лицахъ одно. Посему же и во Христѣ двѣ его воли должны быть отнесены къ двумъ въ немъ естествамъ, божескому и человѣческому. Этотъ догматъ не встрѣтилъ многихъ противорѣчій, подобно какъ предыдущій о двухъ естествахъ. Армяне, согласно съ православными, исповѣдывали и двѣ воли во Христѣ и два дѣйствія, по той причинѣ, что нѣкоторые изъ ихъ епископовъ присутствовали на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ, а догматъ, утвержденный на этомъ Соборѣ, въ томъ и состоялъ, что признаны были

во Христѣ двѣ воли естественныя и два дѣйствія, нераздѣльно, непреложно и неслитно; на тѣхъ же, кои мудрствовали иначе, произнесено, какъ на еретиковъ, изверженіе (если они клирики), и анаѳема (если міряне). Застарѣвшее предубѣжденіе армянъ, произшедшее отъ опрометчивости и обольщенія исключительно направлено было противу одного лишь четвертаго святаго Собора, осудившаго принимающихъ одно естество во Христѣ.

(Продолженіе будетъ.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Пожертвованіе. — Сборы въ пользу кандіотовъ. — Присоединеніе къ православію.

Съ 16-го по 28-е февраля въ пользу постоянной общеченической бібліотеки при херсонской семинаріи поступило пожертвованій :

1) книгами.

Отъ священника Θεодосія Дзбановскаго -- 1 соч. въ 3 книгахъ.

2) деньгами.

Отъ учениковъ семинаріи :

Аврамія Казанскаго	— р. 48 к.
Ивана Синицкаго	— » 40 »
Никанора Чебалдова.	— » 25 »
Отъ NN.	4 » 56 »
<hr/>	
Итого.	5 р. 69 к.

А всего съ преждепожертвованными — 284 руб. 23 к.

— *Сборы въ пользу кандіотовъ* идутъ въ Москвѣ чрезвычайно дѣятельно. Какъ извѣстно, пожертвованія эти принимаются въ Чудовомъ монастырѣ особымъ комитетомъ. Всего этотъ комитетъ, со дня открытія подписки по 19-е число января, собралъ 17,118 р. 89½ коп.; изъ нихъ 17 т. уже отосланы. Далѣе: открыта подписка г. московскимъ городскимъ головою. Здѣсь съ 25 декабря 1866 г. по 21-е января текущаго года собрано 7,356 р. 80 коп. Затѣмъ пожертвованія принимаютъ въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ и получено уже къ 23-му января 4,258 р. 47 коп.; изъ нихъ 4,028 р. 47 к. уже переданы по назначенію. Наконецъ, въ редакціи газеты «Москва» получено, по послѣднему отчету, 643 р. 50 к. сер. Такимъ образомъ всего въ Москвѣ собрано, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ (правда не съ однихъ Москвичей), 29,147 р. 66 коп. сер.; изъ нихъ 21,028 руб. 47 к. уже отосланы по назначенію. Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о степени нашего сочувствія къ несчастнымъ христіанамъ Турціи.

— *Пожертвованіе въ пользу кандіотовъ въ г. Симбирскѣ*. Въ «Моск. Вѣд.» пишутъ изъ Симбирска: «На обѣдѣ, бывшемъ въ благородномъ собраніи, по случаю годовщины учрежденія этого собранія, была предложена подписка въ пользу несчастныхъ кандіотовъ, и не болѣе какъ въ полчаса времени собрана довольно значительная сумма, которая и будетъ отправлена по назначенію. Сверхъ того у насъ предполагается съ этою же цѣлію устроить благородный спектакль, Итакъ страданія единовѣрныхъ намъ народовъ нашли сочувствіе и въ нашемъ, далеко не пользующемся прежнимъ благосостояніемъ, городѣ (отъ претерпѣнныхъ

имъ въ 1864 году пожарныхъ бѣдствій), какъ и въ другихъ, болѣе благополучныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества».

— *Изъ Архангельска* корреспондентъ «Спб. Вѣд.» отъ 18-го января пишетъ слѣдующее: «Воззваніе высокопреосвященнаго Филарета произвело даже въ нашемъ городѣ впечатлѣніе весьма сильное. Въ первые же дни по полученіи почты, принесшей намъ текстъ этого простаго, но сильнаго въ простотѣ своей воззванія, возбуждена была мысль объ устройствѣ въ средѣ архангельскаго населенія подписки въ пользу нашихъ бѣдствующихъ единовѣрцевъ. На эту мысль отовсюду, отъ лицъ всѣхъ исповѣданій, послѣдовалъ единодушный откликъ. На нее между прочимъ отозвались съ особеннымъ участіемъ живущіе въ Архангельскѣ консулы иностранныхъ державъ. Не наше дѣло — такъ думали въ Архангельскѣ — разбирать права воюющихъ, но никакія дипломатическія соображенія и тонкости не могутъ помѣшать намъ соболѣзновать объ участи нашихъ страждущихъ братьевъ по вѣрѣ и по мѣрѣ нашихъ силъ облегчать ихъ бѣдствія. Мы, бѣднѣйшая и отдаленнѣйшая часть Россіи, чувствуемъ въ себѣ, подобно великимъ и богатымъ столицамъ, биеіе общаго народнаго пульса. Я передаю вамъ смыслъ общаго впечатлѣнія. Три дня уже, какъ открыта подписка. По слухамъ, собрано уже болѣе шести сотъ рублей».

— *Присоединеніе къ православію*. Состоящіе въ расколѣ, въ сектѣ, приемлющей австрійское священство, урядники Уральскаго войска Яковъ Кошечкинъ, Теофанъ Жирновъ и отставной казакъ Θεодоръ Пономаревъ, по предварительномъ собесѣдованіи съ ними благочиннаго о заблужденіяхъ

раскола, заявили ему желаніе, вмѣстѣ съ своими семействами, присоединиться къ православію на правахъ единовѣрія. По разрѣшенію преосвященнаго Варлаама, епископа оренбургскаго и уральскаго, новообращенные 6-го ноября были присоединены къ православной церкви, Въ этотъ день, по должномъ приготовленіи, состоящемъ въ постѣ и молитвѣ, всѣ новообращенные, по совершеніи надъ ними таинства св. миропомазанія, удостоились, по окончаніи литургіи, св. таинъ причастія. Затѣмъ одинъ изъ присоединившихся къ православію, урядникъ Яковъ Кошечкинъ, обратившись къ присутствующимъ въ церкви, между которыми было нѣсколько раскольниковъ, пришедшихъ сюда изъ любопытства, сказалъ рѣчь. Рѣчь г. Кошечкина, по словамъ «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей», полная искренности и имѣвшая характеръ публичнаго признанія въ минувшихъ заблужденіяхъ, произвела впечатлѣніе и не осталась безъ послѣдствій: въ тотъ же день къ благочинному, протоіерею Саввѣ Назарову, явилось еще одно семейство, заявляя желаніе присоединиться къ св. церкви, что и было совершено надъ ними 8-го ноября. Всѣхъ обращенныхъ 20 человекъ.

— Въ № 4, «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщены слѣдующія извѣстія:

— *Состояніе школы живописи при Медведовскомъ монастырѣ* (кіевской епархіи, чигир. уѣзда за 1866 годъ). Въ медведовскомъ Николаевскомъ монастырѣ, въ 1866 г., обучались иконописанію и живописи — 7, позолотѣ — 6, рѣзной работѣ — 6, всего учащихся въ школѣ было 19 человекъ. Иконописанію и живописи обучалъ настоятель монастыря, архимандритъ Ирinarхъ, позолотѣ — рясофорный послушникъ Виссаріонъ Коневъ, рѣзной по дереву работѣ —

казенный крестьянинъ Иванъ Евстафѣевъ Коваленко. Въ числѣ учащихся было 7 изъ духовнаго званія, 6 изъ казенныхъ крестьянъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей и одинъ изъ дворянъ.

— *Замѣчательное явленіе въ церковно-приходскихъ школахъ.* Благочинный уманскаго уѣзда, священникъ Теодотъ Терлецкій, отъ 4 января 1867 года доноситъ, что въ 18-ти церковно-приходскихъ школахъ его вѣдомства, кромѣ 436 мальчиковъ и 193 дѣвочекъ, обучается 54 взрослыхъ — женатыхъ крестьянъ. Фактъ много говорящій какъ о любви народа нашего къ образованію, такъ и о пользѣ церковно-приходскихъ школъ.

— *Способъ устранить неудобство при совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ въ одномъ и томъ же зданіи.* Одинъ священникъ кievской епархіи, затрудняясь непросторнымъ помѣщеніемъ школы и необходимостью имѣть особаго учителя для дѣвочекъ, предположилъ дѣвочекъ собирать въ школу для ученія въ *понедѣльникъ, среду и пятницу*, а мальчиковъ въ *вторникъ, четвергъ и субботу*. По мнѣнію его, это тѣмъ необходимѣе, что крестьянскія дѣти не могутъ ежедневно бывать въ школѣ, отвлекаясь родителями къ хозяйственнымъ занятіямъ. Подобное распредѣленіе учебныхъ дней нельзя не одобрить еще и потому, что совмѣстное въ одной комнатѣ обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ и при самомъ бдительномъ надзорѣ не можетъ обойтись безъ оскорбленія дѣвочекъ мальчиками, изъ которыхъ нѣкоторые не только просты, но и грубы, и не можетъ не быть стѣснительнымъ для дѣвочекъ по многимъ причинамъ.



ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ ДУХОВНО-УЧЕБНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Конференція с-петербургской духовной академіи, по разсмотрѣніи изданныхъ законоучителемъ 1-го военного павловскаго училища священникомъ Василиемъ Михайловскимъ книгъ: «Объясненіе обрядовъ при совершеніи св. таинствъ въ православной церкви» и «Словарь православнаго церковно-богослужебнаго языка и св. обрядовъ», нашла, что первое изъ этихъ сочиненій можетъ быть рекомендоваемо для наставниковъ церковнаго устава и катихизиса въ духовныхъ училищахъ, а второе можетъ служить удобною справочною книгою по предметамъ его содержанія.

Означенныя книги могутъ быть приобрѣтаемы отъ автора: Словарь по 60 к. и Объясненіе обрядовъ по 10 коп. за экземпляръ.